

А. Хадарцев

***ДИКАЯ МОЩЬ КАВКАЗА -
ВЕЧНОСЕДОЙ МАГНИТ***

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

А. ХАДАРЦЕВ

***ДИКАЯ МОЩЬ КАВКАЗА –
ВЕЧНОСЕДОЙ МАГНИТ***

Стихи и проза

Тула – 2009

Александр Хадарцев – член Союза писателей России, с первой публикацией стихов выступил в альманахе «Ока» в 1990 году.

В 1992 году издает сборники стихов «Что нарисую я на полотне...» и «Любви не найден интеграл», в 1993 – «Углы России забелил туман», в 1995 г. – «Не торопись остановить часы», в 1996 г. – «Из Тульских засек голос мой», в 1997 г. – «Виртуальные надежды», в 1999 г. – «Витражей акварельные пятна», в 2002 г. – «У памяти преграды нет», «Извечных истин водопад», в 2003 г. – «Спичка жизни», в 2005 г. – «Крепка любовь в любое время года», в 2006 г. – «Из прошлого – в неясность» в 3-х томах, в 2007 – «Аромат прошлого», «Избранное», в 2008 г. – «Беспокойной жизни закоулки».

В 2001 г. – публикуются подборки стихов в альманахе «Прикосновение», прозы – в альманахе «Прикосновение» в 2002 г. Его стихи и проза печатаются в сборниках и журналах: «Ветер времени на поле Куликовом» – в 2005 г., «Наука с музами дружит» – в 2005 г., «Приокские зори» – в 2005, 2006, 2007 гг., «Свет любви» – в 2006 г., «Гриф... и Странник...», «Пресс?! Под хрупкою?! Мечтой?!» – в 2007 г. Отдельные произведения напечатаны в газетах «Медицинская газета», «Тульские известия», «Тула вечерняя», «Тульская правда», «Жизнь Правобережья», «Пенсионер и общество», переведены на болгарский язык в газете «Медицина» (София) и др.

А. Хадарцев – директор медицинского института Тульского государственного университета, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Петровской академии наук и искусств, Международной академии творчества и др.

Хадарцев А. Дикая мощь Кавказа – вечноседой магнит.– Тула: Тульский полиграфист, 2009.– 156 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-88422-405-6

© А. Хадарцев, 2009

© Тульский полиграфист, 2009

ПРИРОДЫ
СВЕЖЕЕ ДЫХАНИЕ,
ГДЕ МОРЕ И
ВЕРШИНЫ ГОР

ШТОРМ

Шторм на море, шторм на суше, шторм внутри...
Надвигается волна: девятый вал.
Разлетелись в никуда нетопыри,
час расплаты неминуемой настал.

Вот нахлынула соленая вода:
то ли с моря, то ли с неба, то ль от слез...
Сердце бросило в пучину невода,
но волшебной рыбки невод не принес.
Гнутся буки и ломаются дубы,
плотным воздухом не может дышать.
От напора, от удара, от судьбы –
не успеть, ни улететь, ни убежать.

Ветер может все вершины обломать,
но меня ему нельзя остановить:
буду падать, от усилия стонать,
но назло стихии, точно, буду жить!
Этим воздухом утопанным дышать,
глохнуть от недостижимости высот,
все проблемы нерешенные – решать!
Только так и никогда наоборот!

Шторм на суше, шторм на море, шторм внутри...
Отодвинулась волна: девятый вал.
Он теперь совсем не страшен, посмотри!
Или просто это я сильнее стал?..

БОЧАРОВ РУЧЕЙ

Берег не очень ухожен,
будто он нынче ничей.
Выглядит стильно, похоже,
только Бочаров ручей.

Там, вроде галька помельче,
да и народ посвежей.
Солнце не давит на плечи.
Больше – одних сторожей.

Там и дороги ровнее,
там не царит «Общепит»,
там не найти, кто главнее
тех, кто на пляже лежит.

Только по-честному скажем:
«Что нам на них уповать?»
Можно ведь даже на пляже
что-то самим порешать!

Правда, вселенских масштабов
вряд ли коснешься в песке...
Чем-то похожи на крабов –
пятытятся мысли в виске.

ДОЖДЬ В СОЧИ

Над пляжем сочинским водой сочились тучи,
шуршали волны галькой о песок...
Струй дождевых шумел поток кипучий,
смывая в море берега кусок...
Из глубины морской взбурлило, что ли,
сливаясь в Сочи с самого утра?
Сырели мысли и ржавела воля...
Но это было только лишь вчера!
А нынче – солнце жарит беспощадно!
Да так, что кожа от воды шипит.
Волнение моря – есть! Ну да и ладно!
Зато растет на отдых аппетит!

ПОРА? ПОРА!

А у берега враз – грязь,
желто-серая жуть – муть,
волн причудливых связь – вязь.
Беспокойная наша суть.

Вдалеке глубина дна,
недоступная нам там:
чистота, новизна сна
под грохочущих волн гам.

Здесь у берега – грязь, муть.
Вдоль обычности – муть, грязь.
Устремляется мразь в путь,
неприступна в пути мразь!

Спорит с бурей вода. Беда!
Буревестником стих – затих!
Мутной лавой года (вода)
заливают страницы книг.

Только в памяти синь – вода,
в белом шуме вода – синь.
Все нечистое – сгинь навсегда!
Наконец, навсегда сгинь!

Ты у берега стой в вой,
там, где дряни с утра – гора!
Затеваюсь мной – бой.
Шашки к бою! Пора? Пора!

ДОЖДИ В НОВОМ АФОНЕ

Я не знаю, чем мы небо разобидели:
вновь за окнами осенние дожди.
Море что ли эту воду разом выдало...
иль сумело просто в небо перейти.

Нет границы, все размыто, обезличено:
небо, море, монастырская земля,
Сочи, Рица, отдыхающие личности,
меж которых затерялись ты и я.

За окошком – ни березки, ни осинки.
Все магнолии да пальмы, да самшит...
Небо с морем разделив на половинки,
с нами скука по-абхазски говорит.

ДОРОГА С РИЦЫ

Машина мчалась, как на ралли.
Водитель с ней – кентавром слит.
А на сиденьях – мы страдали:
кто был укачан, кто упит...
Через Упшарские ворота,
Каньон зеленодревних скал,
от поворота к повороту –
Автокентавр стрелою мчал.

Лихая песня по-абхазски
сопровождала нас в пути...
Дорога с Рицы, словно в сказке,
мне помогла себя найти.

КАВКАЗСКИЙ ХРЕБЕТ

Твердоскальной рукой протянулся хребет,
как привет от Каспийского Черному морю,
и на гребнях его белит кудри рассвет
по колено в росе загорелых предгорий.

На Кавказском хребте начинается мир,
непонятный по оба хребтовые ската.
В завершинье его только небо и мы,
задыхаясь – стоим и поем, как когда-то.

Вереницы вершин горизонт в горизонт
в опояске лугов зеленеющей замши
чутко слышат вдали затихающий стон
белокурой лавины, от жизни сбежавшей.

НЕ ПИШИ

Напиши про то, как ты устала
в южно-кипарисовой глуши,
про фруктово-кислый шум вокзала,
просто ни о чем, но напиши...

Напиши про свежесть ощущений,
новизной нахлынувших вдали,
про хмельную радость приключений
в недоступном уголке земли.

Напиши про ясную погоду,
несмотря на отшумевший шторм,
и про ослепительную моду
под луной купаться нагишом.

Быть или не быть тому, что было,
ты сама, счастливая, реши.
Главное, чтоб ты меня любила.
Но об этом, право, не пиши...

БЕСПРЕДЕЛ СТИХИИ СТРАШЕН

Где гранит волна гранила
в гладкокаменные нецкэ,
поливая горькой влагой
гальки праздничный набор, –
море бережно хранило
шум прибоя молодецкий,
крыло ночью черным флагом
будущих тайфунов хор.

Море с гулом надвигалось,
в берег яростно плевалось,
вновь шипела у побережья
в камне пенная слюна...
В белое безе сбивалась
моря давняя усталость,
и покоилась все реже
черноморская волна.
Смерч – стремглав ныряет в небо,
покидая это море.
В тихом море – призрак смерти
зарождается порой,
злому ветру на потребу
разливает слезы горя,
в беспросветной круговерти
воды дыбятся горой.
Вот сплетаются потоки,
с гор летящие в долину,
и, подхваченные ревом,
ввысь взлетают скарб и скот...
Нам судьба дает урок:
бьет и в скулы, бьет и в спину,
учит всех лишенных крова
жить чуть-чуть наоборот.
Беспредел стихии страшен
неготовностью порочной:
возникает дрожь эмоций
и бессилие потерь...
Слышен смех старинных башен,
сотни лет стоящих прочно
там, где небо в скалы жметя,
открывая в вечность дверь.

ПОСЛЕ БУРИ

Сидела старуха у берега моря... одна...
Барахтались волны, светила в полнеба луна,
смотрела старуха на лунной дорожки покой,
от бликов мерцающих света закрывшись рукой.
Ни дома, ни сада, ни горстки хорошей земли
ей смерч не оставил, все выплюнув где-то вдали.
Что ей до купонов, талонов и экстренных благ,
когда все, что было, внезапно развевалось в прах?
Что ей разъяснение кувейтской причины беды,
когда суждено просидеть у воды – без воды?
А времени мало осталось на свете прожить
и надо сегодня – на завтра чего-то решить...
Но море ласкало шуршанием теплой волны,
и, вместо решений, нахлынули ясные сны...
Привиделись внуки, живущие там, вдалеке...
Вдруг – сердце заныло, и камень зажался в руке...
Вот дочь – непоседа, возвращенная в южных краях,
метнулась туда, где валюта – за риск и за страх...
Но снова – толчок... замерцало в иссохших висках,
потом – остановка... Улыбка на бледных устах.

Лежала старуха на галечном пляже... одна,
где море притихло в предвиденье долгого сна,
да тучи завесили лунного света покой,
да слезы в глазах, словно капли от пены морской.

А! АБХАЗИЯ!

Лето. Отпуск. Абхазия. Новый Афон.
И слова по-абхазски, как тонкий намек:
телефон называется «ателефон»,
а ларек именуется «алариок».

Восхищенное «А!» приложимо всегда:
А! Шашлык! А! Пещера! А! Вино! А! Вода!
А! Туристка в бикини! А! Загар! А! Волна!
А! Природа! А! Пальмы! А! Она! Ай! Жена...

Кипарисово-пальмовый, мандариновый фон,
далеко не монашеский Новый Афон.

НОВОАФОНСКАЯ ПЕЩЕРА

Темнота холодна... Тишина... Глубина...
Словно чрево гиганта разверзнуто.
Камень падает в полость без дна,
звук сникает, проглоченный бездной.

Щ-щелк! – переключателем: «Ох! Ах!»
Радугой фантастика светится
в глазах, соскучившихся впотьмах,
волшебным фонарем расцветчивается...

Сталактиты, сосульки веков,
от подсветки, как солнце зимой,
словно кремы с гигантских тортов
наплывают на край бахромой.

Сталагмитам природой дано
на просвет быть солидно окрашенными:
осторожненько-желтыми – этих полно.
И еще – запрещающе-красными...

Зябнет нос... Тишина... Темнота...
Пастью карстовой дышит пещерина.
Что-то в жизни я делал не так,
на меня и пещера – ощерена.

Но теплеет холодное дно:
снова щелкает переключатель.
Экскурсанты толпой, как в кино,
мчатся к выходу – переключаться.

ЦЫГАНКИ НА ПЛЯЖЕ

Глаза – удивленными сливами.
Цыганки на пляже – хозяйками:
цветастыми и красивыми,
нахальными в меру и яркими.

Пурпурные губы – подкрашены,
подведены веки умело.
Нейлоны сверкают бесстрашно
под юбкой, подоткнутой смело.

«Есть жвачка, помада хорошая...»
А – «Дай погадаю!» – не модно.
Гаданье – цыганское прошлое
для бизнеса – непригодно.

Гаданье – почти исключается:
что толку гадать, что на сердце,
когда процветает отчаянно
источник доходов – коммерция.

– «Эй, цыганка-сербиянка:
Если можешь – погадай!»
– «Ай, да ну, да ну данай,
дра да ну данай».

КАРТИНА НА ВОКЗАЛЕ В СОЧИ

Налево – женский туалет,
направо – нищенский буфет,
в котором даже хлеба нет,
лишь мух – навалом.
А между ними – (три на пять)
Ильич старается вещать
и комсомольцев застращать
буржуйским салом,
нелегкой жизнью при царе,
а под картиной – грязь, амбре,
старуха роется в ведре,
ища объедки...
Что перестройке – год шестой
ты ей рассказывать постой:
твои слова, что звук пустой
в железной клетке!
Желтеет золотом багет:
иллюзий лучезарных след,
да впереди – неясный свет
лимоном в сетке.

СОЧИ – ВЛАДИКАВКАЗ

Эльбрус сверкает белый
справа от летных трасс.
В небе – маршрут загорелый:
Сочи – Владикавказ.

Сочно гудит «Як-40»,
пьяный сосед храпит,
снег кружевным подзором
там на горах лежит.

Стройных вершин горенье
в белых боа облаков.
Здесь для стихов творенья
просто не хватит слов.

Где-то внизу резвился
нартский герой Батрадз,
кто-то, как я, влюбился,
в самый несносный раз.

Прошлое с настоящим
в будущий мир летят,
даже предгорий чащи
нас задержать хотят.

Вспышкой цветов альпийских
манит лугов платок.
Воздух – хмельней, чем виски.
Вдох – как судьбы глоток.

Дышим потусторонне
таинством древних гор.
К черту страницы хроник!
Выстрел – мечтой в упор!

Дикая мощь Кавказа –
вечноседой магнит.
Бросишься вниз – и сразу
Воздухом горным сыт.

Хватит сидеть изнежась!
Звук за бортом угас,
чувствую кожей – свежесть.
Здравствуй, Владикавказ!

«НИКОГДА...»

А море гудело...
С надрывом оно рокотало...
Сквозь солнечный свет
ветровой пробивался озноб.
И пеной седело...
И пеной судьбы закрывало
лета буйного след –
стылых пляжей лысеющий лоб.

Только ветер утих,
как повеяло днем и рассолом.
Обжигали не боги,
а песни, в которых молчишь,
если слышатся в них
староверским извечным расколом
три аккорда дороги
и мохнато-покойная тишь.

Вот и осень вошла,
осыпаясь прощальностью писем,
в круговерти времен
исполняя особый заказ:
дать поэту тепла,
чтобы стал он покорно-зависим,
зимний чувствуя сон,
где фонарик удачи погас.

И море умолкло,
как будто со дна замерзало...
Светился пожаром
упавшего солнца накал.
Туманились стекла
в старинной ажурности зала,
да ворон Эдгара
свое «никогда...» бормотал.

**Кавказский пейзаж
2007 год**

**Осень
2007 год**

**2008 год Сочи.
Дорога на Солох – аул**

**2008 год Сочи.
Шахе – река**

**2008 год Сочи.
Санаторий «Юность» (бывший им. Цирюпы).
Дача Берии**

**2007 год Северная Осетия.
Селение в горах**

**2008 год Сочи.
Чайки, море, утро**

**2008 год Сочи.
Штормит**

ЭЛЬХОТОВСКИЕ ВОРОТА

Кавказских гор нахлынула прохлада
на крыши обожженных поездов,
когда она шепнула мне: «Не надо...» –
в вагонной дреме непробудных снов.

«Не стоит вспоминать о небывалом,
не надо больше думать о былом!
Все в наши дни кончается обвалом:
ржавеет дружба, пусто за столом.

Но льют предгорья тремоло рассвета
в тоске пирамидальных тополей.
Давай, Кавказ, поднимем тост за это,
ты пены облаков не пожалей!»

Туман платком пуховым, нежно-белым,
за стеклами всклубил свою печаль.
Она вскипела смугло-жарким телом
и в сонную свою нырнула даль...

Росу роняли к долу листья дуба,
рванулся поезд бешено вперед...
Тогда, Кавказ, я в первый раз подумал
о вечности эльхотовских ворот.

* * *

Волн искрящихся волнение
то наступит, то замрет.
Вдалеке, как наваждение,
белой чайкой – теплоход.

Он до трюмов полон судьбами
незнакомых мне людей
с их судами-пересудами
над планетой нашей всей.

Мчится курсом в неизвестное,
горизонт перечеркнув,
как знаменье наше крестное
три перста в один сомкнув.

ЮЖНАЯ ЖАРА

Тридцатиградусно-лениво
потела южная жара,
а за окном белела слива
в зеленокудрии двора.
Она цвела не удержиимо,
взметнув цветенье в облака.
Несоблюдением режима
и ростом ввысь своим легка.
Смотрел отец белобородый
на им взращенный крепкий ствол,
как будто ощутив природу
он словно тайное нашел.
«Нас ростом солнце не обидит!»
Прошли года, и вот уже
верхушку сливы вровень видит
сосед на пятом этаже.
Навряд ли стоит удивляться
судьбе высокого ствола...
Лишь добротой отцов растятся
сыны, и дочки, и дела.

МОРСКОЕ...

Стоят на рейде корабли любви,
им не дано причаливать к причалам.
Их с якорей случайно не сорви,
для них свобода – всех начал начало!

Они готовы ринуться в тайфун,
который все желания разрушит,
концы любви крепя за нежность струн
под тихий SOS – спасите наши души...

Зеленый луч, мигнув в последний раз,
уйдет за горизонт пустых желаний,
волна пурпурный обретет окрас
и почернеет болью ожиданий.

За тех, кто в море канул в никуда,
кто даже плавать не умеет толком!
Восторг любви пусть вяжется всегда
морским узлом с морским голодным волком!

За тех, кто победил девятый вал
невзгод, вражды, потерь, непониманья, –
мы поднимаем слов своих бокал
и якоря на траверзе прощанья!

Уходят с рейда корабли любви
на поиск стран неведомых и дальних...
Ты их на свой фарватер не зови,
не жди огней и выстрелов прощальных!

ОТДЫХ В СОЧИ

Наш друг уехал в Сочи –
на отдых, как всегда...
Погода там – не очень,
с небес течет вода.
Морские волны тоже
на берег норовят...
Штормит судьба, но все же
за друга – каждый рад.
Пусть он загорает
и днём, и на заре,
а ночью отдыхает
на чьём-нибудь бедре...
На сдвинутых кроватях –
простынная жара.
Пусть он акробатит
с подругой до утра!
За то, домой вернувшись,
не курит, и не пьёт,
от важных дел – согнувшись,
моральный пост блюдёт!
Вокруг – друзья, подружки,
но – кремню он подстать
(полупустые кружки –
любитель поднимать).
Он стол накроет с блеском,
друзей поддержит рёв,
им наливает с плеском
стаканы до краёв.
Но сам – душою в Сочи,
и телом – тоже там,
блуждая, между прочим,
по сочинским кустам.
Как Штирлиц, он скрывает
свою двойную суть,
но каждый день мечтает
куда-нибудь нырнуть!

ТЫ И МОРЕ

Кто видел море после бури,
когда усталость накопив,
зеленый глаз слегка прищуriv,
оно шуршит под свой мотив?
То плещет пеной утомленно,
то погружается в покой,
то в облака глядит влюбленно,
в которых видит образ свой.

Вот так и ты в любовной схватке,
где лучший счет – один-один,
себя положишь на лопатки
и станешь лучшей из картин.
Заляжешь в дрейф простынных штилей,
рукой расслабленной взмахнешь,
то вновь зовешь, но без усилий,
то слов елей на душу льешь.

И ты и море, как близняшки:
не различить, не различить.
Две полосатые тельняшки –
одна неспряденная нить.
Покой – лишь отдых перед бурей.
А наш девиз – штормить всегда!
Напрасно разум брови хмурит,
любовь без бури – ерунда!

ХОРОШИЙ ОТДЫХ

Хорошо отдыхать – хорошо!
Только мне это трудно понять!
День пришел, пролетел и – ушел,
и не стоит о нем вспоминать?

Ты не сделал, что мог бы свершить!
Не увидел, что можно узреть!
Не сложил, то, что можно сложить!
Не успел, там, где надо успеть!

Этот отдых – болезни сродни
стойким вирусом в клетки проник.
Мысли вслух – остаются одни,
иссякает здоровья родник.

Отдыхать хорошо меж друзей,
где работы сигналит маяк,
где не хочется лечь в мавзолей,
даже, если он вечности знак!

Хорошо из седла на скаку
вылетать, чтоб прижаться к земле!
Хорошо дописать бы строку,
и увидеть стакан на столе!

Хорошо побеждать бы врагов
на житейских дуэлях без пуль.
Хорошо – научить дураков
понимать, где десятка, где нуль.

Хорошо – не мешать никому
сделать собственной в жизни задел.
И не быть никогда одному!
Не сидеть, прохлаждаясь, без дел!

Но неделя, другая – нужны,
чтобы все это вместе понять!
Лени вирусы нам не страшны,
научиться бы, как отдыхать!

НА ДАЧЕ БЕРИИ

Здесь вечером сидел Лаврентий Палыч
за чаем в чесучовом пиджаке,
Вдыхая аромат магнолий на ночь
с блестящим подстаканником в руке.

Открытая веранда продувалась
от моря налетевшим ветерком,
у входа тихо пальма колыхалась
вращенная несбывшимся вождем.

В розетке – мед варенья из кизила,
там – щипчики, там – сахар кусковой.
Как будто время на бегу застыло
и наступил безоблачный покой.

В пенсне сверкали отблески заката,
в пучину канул красный солнца диск,
бродили по периметру солдаты,
надежно исключая всякий риск.

Взглянул туда, где дача сына Сталина
(за ним тогда был нужен глаз да глаз!)
И, хоть охрана по кустам расставлена,
а вдруг контроль исчезнет хоть на час?

Ему тогда не думалось, возможно,
об атомных проектах, лагерях...
Своим чутьем болезненно-тревожным
он ощущал неотвратимый крах.

Но море оведало и шуршало
накатывая волны на песок...
И не хотел он жизнь начать сначала.
И был до отвращения одинок.

ШТОРМИТ

От солнца яркой инфракрасности,
как будто в гриле, – кожу жжет...
И с ощущением опасности
морских сюрпризов сердце ждет.

Качнулось блюдце моря Черного –
вот тут и начало плескаться!
Как будто воду кто вычерпывал,
что облака прополоскать.

Штормует море бесшабашное!
Ему погода – не указ!
Теперь не белыми барашками
природа удивляет нас...

Валов зеленых мощь закручивать
шалъному морю не впервой!
Не надо рукавов засучивать,
взбивая штормовой прибой.

Вскипает пеной бело-бешеной
вдоль всей прибрежной полосы...
С шипеньем пузырей замешаны
морские пенные усы.

По ним босые дети топчутся,
А, значит, прекратит штормить!
Сюрпризы неизбежно кончатся –
ведь надо чаек покормить...

Природой-мамой соблюдается
режим чередованья бед.
А неожиданность включается
в обычный ритмов винегрет.

КОРЫТА́

По дороге в горы
остановка есть.
(На крутых просторах –
их не перечесать!)

Горно-ресторанный
уголок-мечта
С удареньем странным,
старым: «Корыта́».

В скальности гранита
струями воды
желобов пробиты
стройные ряды.

Там вода – хрустальна,
от деревьев – тень.

Солнце лишь местами
осветляет день.

Ледяным потоком
речка камни мнет,
у реки под боком
ест и пьет народ.

Вдоль корыт природных
там, на крутизне,
отдых – всепогодный,
будто бы во сне.

Прямо над ущельем
мощные столы,
меж деревьев в щелях –
горные орлы.

Да и мы – орлами
ощущаем мир:
В горы и с друзьями!
Это счастья пир!

Но дороги дальше
вьется серпантин.
Нет в природе фальши!
Только свет картин.
До Солох-аула,
где Шахе река,
как змея скользнула
раз – и на века!
Там уже природа
взята за бока
и для «слуг народа»
будет жизнь легка!
Там – коттеджи, бани,
корты и бассейн,
не считают «мани»
и не пьют портвейн...
Но и мы не хилы,
не дрожит рука,
пьем вино в полсилы
с горкой шашлыка.
В ворохе событий
дни – не все просты!
Это дни открытий
новой красоты!

ТАЙНА ОКАМЕНЕЛОЙ РАКОВИНЫ

Морское дно вдруг вспучилось вулканом,
вода вскипела, паром изойдя,
змеистость гор восстала великаном
в потоках грязи, камня и дождя...

Возник хребет – от моря и до моря,
упрятав в лаву, как эксперимент,
всё то живое, что не знало горя
в глубинах вод, исчезнувших в момент!

Два миллиона лет! А, может, боле,
прошло с тех пор на шарике земном...
С горами рядом распростёрлось поле –
на месте, что когда-то было дном...

Окаменелой раковины спину
нашёл мой друг в гранитных валунах
и подарил другому осетину
на память о Кавказе и горах.

А, значит, вечность – сложное понятие!
Где было море – властвует Кавказ.
Быть может, это древнее заклятье
о будущем предупреждает нас?!

Пусть наша суть не скрыта перламутром!
Пусть не дойдёт к потомкам камень тел!
Давайте просыпаться рано утром,
чтобы успеть нырнуть в пучину дел!

И, если полюса начнут меняться,
потомкам пусть достанется Земля,
где можно будет солнцу улыбаться,
где будут реки, горы и поля!

ОБЛАКО НА ВЕРШИНЕ

Нахлобучив белую папаху,
в вате облаков скрывая суть,
из альпийской зелени рубаху
чёрный кряж стремится распахнуть!

Древних башен каменные стражи
охраняют вековой покой,
не нужны им шоу-эпатажи,
и не страшен ураганов вой!

Память гор – неведомые тайны
в глубине пещер своих хранит!
Встречи с ними – редкостно-случайны,
вечен лишь гранитный монолит!

Постоянство древнего Кавказа
нарушает грохот горных рек,
водных капель серебрятся стразы,
и – здоровьем дышит человек!

КАВКАЗСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

**2008 год Северная Осетия.
Памятник св. Георгию (Уастырджи)**

**2008 год Северная Осетия.
Святылище Хетага**

ЛЕЗГИНКА

Если услышишь ты меня,
если увидишь ты меня,
значит, случайно вошла в мой сон,
где только ты и Иристон!¹
Значит, исчезнет в горах туман,
значит, от ветра я буду пьян,
снежных вершин обниму покой,
горным потоком сольюсь с тобой!

Если не слышишь ты меня,
если не видишь ты меня,
значит, в спокойствии будешь жить!
Только такого не может быть!
Просто угас под лавиной звук,
просто в тумане не видно рук...
Просто вошли в резонанс сердца,
Танцам Осетии нет конца!

ПЕРЕВАЛ

Бесспорно, долог путь до перевала,
и в пятьдесят итожат жизни бред.
Но в марте, как всегда, весне – начало,
конец – сомненьям и разлукам – нет!
Сугробы дел не остаются в прошлом,
они растают в реки новых дел,
поток которых лживый камень крошит,
а нас выносит в вечный запредел.

¹ Иристон – Осетия (осет.)

Может мне это только послышалось,
что над лесом и старыми крышами
чей-то голос слова напевал:
«Перевал. Перевал. Перевал».

Как в спорте: кто быстрее и сильнее –
тот в жизни занимает верхний ряд,
но верится, что быть других добрее, –
достоинств всех важнее и наград.
Кто в сапогах не бегал стометровку,
тот не поймет наш финишный рывок,
когда так тянет лечь в траву за бровку,
а надо уложиться точно в срок.

Ты в медицине – кожей ощущаешь
страданье духа, хворость бытия,
как женщину, которую не знаешь,
но чувствуешь, что и она – твоя.
Когда она в глаза твои глядела,
внушала мысль про «зеркало души»,
ты знал, что кожа – отраженье тела,
и ей сказал: «Чем ощущать – реши!»

Как на Кавказе – головокружение,
бунтует дух и хочется в князя,
но зорко смотрит наше окружение,
в котором поднимать волну нельзя.
А мы живем мечтой о небывалом,
верстаем каждый миг победный план.
И в пятьдесят у нас всего – навалом!
Казбек с Эльбрусом – выше, чем Монблан!

Слышал точно, не просто послышалось.
Над лесами и старыми крышами
звонкий голос всюду распевал:
«Не последний в горах перевал...»

ДРУГУ ИЗ ДАГЕСТАНА

На родине великого Расула
живут мои надежные друзья.
По братски дышат Дагестан и Тула!
Их разлучить прижизненно – нельзя!
Как Каспий никогда не обмелеет,
так дружбы не иссякнут родники!
Превыше клятв и слов любых важнее
обычное пожатие руки.
Привет, мой друг старинный Минкайлов!
Твои друзья – теперь мои навек!
Аллах велик! Он придает нам силы,
чтобы велик был каждый человек!

НЕ ПОДСТАВЛЯЙ КОРМУ!

В кильватерном строю дыши спокойно!
Есть мудрый флагман. Доверяй ему!
Коль ветер стих – держи себя достойно!
В бесшумный штиль не подставляй корму!

По жизненным неведомым широтам
проложен курс решением высших сил.
Незримый штурман цель определил...
Не место вроде думам и заботам,
но делать надо то, что сам решил!

Когда идешь фарватером удачи
в кильватере, надежном по всему,
дистанцию – держи! А это значит –
в ревуший шторм не подставляй корму!

Взбивая в пену серость вод соленых
крутящимся до одури винтом,
по шхерам жизни до конца пройдем,
ведя по курсу корабли влюбленных,
желая им семь футов под килем!

В походе дальнем, знаю, надо верить
своей любимой, другу своему...
Всем, чью любовь аршином не измерить!
Но никому не подставлять корму!

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ

Есть поворот налево от Гизели,
который в долгих снах по-странному влечет,
где бурная река меж скалами течет,
где горы в белых бурках запотели
в туманной дымке утренних забот,
где на седых камнях по братски жмутся ели...
Там – отчее гнездо, откуда род идет!

Извилистым путем бродяги Фиагдона
исчерчен путь сюда, в наш двадцать первый век,
слияньем пенных вод Ардона, Гизельдона
и множества других родных кавказских рек.

Их всех объединил давно не дикий Терек.
Нет злобы у него, но грозный слышен стон...
В нем – боль за наши дни, без слез и без истерик,
в нем – гордость за людей, за вечный Иристон!

Есть поворот налево от Гизели,
с тропею в глубину теснины прошлых лет,
куда не достает от солнца яркий свет...
Ущелье сны мои травой пахучей стелет,
оставив наяву потомкам – генный след.
Дай Бог, чтобы они чуть раньше нас прозрели,
увидев жизнь отцов без видеокассет!

Пушкой струей студеной время мчится
к истокам естества, к глубинам ледников!
Пусть камнепадом прошлое стучится
в темницу наших душ, как в будущее зов!

Пушкой уходит боль от ложной правды века!
Пушкой не обойдет здоровье стороной!
Когда лицом к лицу встречаешь Человека,
то никогда врагов не будет за спиной!

ЧУДО

Когда сражались осетины
с потоком зла, вражды и лжи,
на крыльях сна с небесной сини
спускался к ним Уастырджи².
Он направлял судьбу народа,
храня мужчин в большом пути.
А может быть, сама природа
спешила к людям снизойти,
чтоб, осенив крылами света
своих голодных сыновей,
их не оставить без совета,
без дружеской руки своей.

² Уастырджи – Святой Георгий (осет.)

Пришла пора. Святой Георгий,
коня трехногого взнуздав,
слетает в мир кровавых оргий,
смотреть на мерзости устав.
Всклубился снег. Обильным валом
леса засыпал и луга,
прикрыл надежным покрывалом
предгорных речек берега.
Шел снег три дня. Три дня дымился
след небывалого коня...
Он – был, он – есть, он – не приснился,
в себе загадку сохраняя.

Трясет страну, как в лихорадке,
в озноб бросая каждый час.
В огне беды не до разгадки
явлений, поразивших нас.
Воспринимаем все, что было,
и то, что будет, то, что есть –
в реальности всевышней силы,
нам давшей знать про долг и честь.
Святой Георгий посох держит,
желая всем добра в пути.
Быть кувдам³ – чаще, а не реже,
чтоб нам от тостов – не уйти!

ПОЛЮБИТЬ ИЛИ ПОБИТЬ?

Мы стесняемся естественных порывов:
тех, что в детстве невозможно укротить.
Непосредственно, как речка у обрыва,
завучало нежно-звонко: «Поллюбить?»

³ кувд – пир (осет.).

Кучерявый чародей из Еревана
мир наполнил серебром альтернатив:
чет иль нечет? Или поздно, или рано?
Суть различна, но один у них мотив.

«Полюбить или побить?» Вопрос достойный
трепетания шекспировских страстей.
Прекращается эпоха пустословья,
постулируется: слово для людей.

Избегаем мы открытости вопросов,
мудрословьем подменяя пустоту,
а ребенок, самый искренний философ,
объясняет эту истину – коту.

Плещут волны у высокого обрыва,
укрывая непосредственность вглуби.
Жизнь, смертельная моя альтернатива,
ты не бей меня, а лучше – полюби!

НА ПОСОЛЬСКОЙ

Где обалденная фасоль
с люля и хачапури рядом?
Где тостов хитроумных соль
соседствует с веселым взглядом?
Где – мы пьянимся и вином,
и хмелем дружбы хлебосольской?
Где страсть любви в бокалы льем?
Конечно, только – «На Посольской»!
Кавказских специй динамит
Заставит плакать оба глаза!
За то – везде и все стоит,
пока гуляем у Муртаза!
А он – грузино-осетин –
над будущим колдует смело.
Он сам – и джинн и господин,
умело делающий дело!

АРМЯНСКИЙ ФОКУС

Всегда не просто отпускать,
когда уход уже свершился.
Поток не поворачишь вспять,
чтоб камень дна не сокрушился.
И в этом некого винить!
Ты – сам себе прокуратура,
и сам судья, и сам микстура,
и скальпель, и игла, и нить...
Нельзя удерживать уход,
который зрел не первый год.

Что росчерк легкого пера?
«Не возражаю. Уходите».
А в сердце – черная дыра.
Зашить ее – не хватает нитей.
Плеснется в кровь адреналин
сулящий спазмы и некрозы,
но только пусть в долине розы
посадит «новый армянин»!
Пусть Ереван и Карабах
затеют главный пир в горах!

С таким условием идите
на самый край своей судьбы!
Дерзайте, пробуйте, ищите
свои пути в пылу борьбы!
Но есть, конечно, опасенье
попасть судьбе своей не в такт.
Не сделав Дела (это факт) –
искать в неведеньи спасенье.
Армянский фокус тем хорош,
что в нем разгадку не найдешь!

КАФЕ-БАР «АИДА»

Мангала жар сильнее мечтаний
в реальных блюдах предстаёт!
Шашлык в десятках сочетаний
кавказский шарм столу даёт!

Из самой свежей осетринки,
на косточке, и просто так,
из карбонада, шейки, спинки!
На всякий вкус – особый смак!

Филе курдючного барана,
кюфта, бозбаш, – ласкают взор!
Отсюда не уходят рано,
ведут неспешный разговор!

Белеет сыр, духмянит зелень,
на горных травах – чудный чай!
А частый гость – всегда при деле:
на скидку карту – получай!

Чуть ближе к ночи – нежно-сдобный,
восточный сказочный стриптиз!
Где сервис чувства бесподобный –
там отдых – самый ценный приз!

Здесь гость любим и почитаем
в весёлый день и в трудный час!
Не зря, а за дела считаем,
что бар-кафе «Аида» – класс!

ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ

Говорят, что прошлое
поросло быльем,
ничего хорошего на пути твоём...
То буря взбунтуется, то дожди внахлест...
Парус ветром вздуется,
словно мыслью тост.
Понесется в грешное
славословье слов,
тостовать по-прежнему –
будь всегда готов!
Пусть рука навьтяжку –
не дрожит стопарь!
Коль имеешь выдержку,
значит, тостом – шпарь!
Песнь заздравья слышится,
друг не просто – пьет!
Через водку – дышит,
сквозь нее поет!
Гор скалистых призрак
над столом плывет,
через дружбы призму
нашу прошлость льет!
В этот образ скальный –
Быль не прорастет...
Значит, будет дальний,
как всегда, поход!

ЛЕГЕНДА О ХЕТАГЕ

Когда звучит погони скачка
(храп конский, перестук копыт),
сраженья близится горячка,
в которой сгинуть предстоит, –
вдруг раздаётся Голос свыше:
«Скорее в лес, не жить тебе!
Спасенье в милостивой крыше,
дающей шанс твоей судьбе!»

Был Хетаг бегом обессилен,
но смог взмолиться: «Боже мой!
Святой Георгий, ты – всесилен!
Меня от недругов укрой!
Я не успею в лес спасенья –
уставший конь не доведёт!
Сдаюсь на милость Провиденья,
пускай оно меня спасёт!»

И роща вокруг него сомкнулась,
остановив погони раж!
В корнях – атака захлебнулась...
Возникший лес был как мираж!
Дубов и грабов вечных кроны
сплелись в невиданный шатёр!
Там не слышны кинжалов звоны,
там мудрым мыслям дан простор!

Пусть тайна рощи неизвестна
(*Уастырджи** – хранит её) –
в ней надо быть предельно честным,
чтобы не кануть в забвенье!
И посейчас нельзя оттуда
листки и ветки выносить!
Грозит душевная простуда
здоровья за грехи лишить!

В день Хетага Святой Георгий
дарует *фарн*** от всех святых!
И от чудес его в восторге
бывает тот, кто верит в них!
В преданьях – истина простая,
в ней честь и справедливость – суть!
Историю в уме листая,
определяем в завтра путь!

* *Уастырджи* – св. Георгий (осет.)

** *фарн* – счастье (осет.)

**ДРУЖЕСКИЕ
ЭПИГРАММЫ
НА ЗЕМЛЯКОВ**

КАЛОЕВУ

Я удивился, видит Бог,
Калоевской растяжке!
Взметнул он ногу, будто йог,
за воротник рубашки!
Ему за семьдесят пока!
Что в сто он нам представит?
Станцует в стойке на руках
и стол опять возглавит!

КОЗЫРЕВУ

Красив наш Козырев Коста!
Тут не при чем Воячек!
А, просто, он – один из ста,
кто крик души не прячет!
Тропу в науку проложив,
он, вопреки сомнению,
ведет научный коллектив
вразрез чьему-то мнению!

ПАГИЕВОЙ

Она умна, как Шатана!
Как Райкин – остроумна!
На вид – грозна, в душе – нежна,
в суждениях – разумна!

Ларисы Пагиевой суть –
быть острой, будто шпага!
Пусть впереди нелегкий путь –
назад ни на полшага!

ТЕДЕЕВУ

Когда мы вместе – нам легко!
Все чувствуется остро!
И наши музы, Шалико,
навек родные сестры!
Верстаем общих душ экстрим!
Пусть слушает эпоха!
Чего-нибудь, да сотворим,
а, может, и неплохо!

ДИДАРОВЫМ

Чета Дидаровых – Ардон
сегодня прославляет!
А наша встреча – странный сон
о Туле навевает!

Товарковский завод – стоит!
И сахар – тростниковый!
И арака во рту кипит!
Лишь губернатор новый!

ПОПОВОЙ

По-прежнему бела, мила,
Попова наша Света!
Вот только что-то не пила
в застолье до рассвета!

Всегда восторженна! Стихи
читает и мечтает!
Прочти немного чепухи!
Быть может, грусть растает!

КУШЕЕВУ

Он фитолазерофорез
внедряет беззаветно!
И, если б был богат, как Крез,
внедрил бы всепланетно!

Он – тепловидения гранд!
Им – мир не надивится!
Ему бы дать научный грант
и Нобель – воскресится!

ЦОГОЕВУ

Алан Цогоев нам открыл
души своей границы!
В «Алгусе» каждый ел и пил,
и тосты громко говорил,
и ржал, как кобылицы!

Тост на китайском языке
был выслушан друзьями!
Но он – мечтал об араке
и Асю ел глазами!

ПИРОГОВСКАЯ 20

ООО «Аирмед»,
Пироговская 20,
фитолазеркупеевфорез.
Льётся утренний свет
и нельзя надышаться
ощущением возможных чудес!
Вверх ногами висят
на пути к исцелению
гроздь старых и малых больных.
На диете сидят,
верят в миг очищенья,
перемен ожидая крутых.
Грыжи дисков хрустят,
нити нервов сжимая,
заставляя от боли кричать!
Но неделю спустя
жёсткий хват отпускает,
разрешая по жизни шагать.
Исцеляет друзей
Пироговская 20!
Путь к вершинам даётся с трудом.
Здесь здоровых идей
можно вдоволь набраться
и нельзя позабыть этот дом!

* * *

Пирог с начинкой сырной (кавказской кухни шик) –
решил усовершенствовать мой кореш.
И съел его с вареньем! Но получился пшик:
патент на этот способ – не оформишь!

Он про свою причуду давно уже забыл.
А, может, просто – про неё не помнил,
поскольку лишку водки в то время загрузил,
да и потом бокал хмельным наполнил!

Он – человек непьющий, блюстителъ всех диет, –
попал впросак случайно, понарошку!
На «ноу-хау» творчества не наложил запрет,
и я вливал шампанское в окрошку!

КАВКАЗСКИЕ БЕДЫ

НА РОДИНЕ

Время горя на Кавказе!
Вдоль ущелья Кармадона,
раздвигая мощью скалы,
вниз обрушился ледник.
Словно кто-то черный сглазил
процветанье Иристана⁴.
Биться сердце перестало
под неслышный детский крик...

Шапку льда с вершин сорвало!
Астероидом разлуки –
над альпийским ярким лугом
пронеслась она в момент.
Все вокруг загрохотало
от камней стирания звуков...
Уаиг⁵ прошелся плугом,
завершив эксперимент.

Толщиною в сотни метров,
будто Колесо Балсага⁶,
растирал ледник селенья
на молекулы судьбы...
Жизням краткий срок отмерив,
не прошедшим и полшага, –
без мольбы, без сожаленья,
без расходов на гробы.

⁴ Осетия (осет.)

⁵ в мифологии – циклоп-великан (осет.)

⁶ мифологическое существо в виде колеса (осет.)

Плачут горы, как и прежде,
от безудержной стихии,
поглощающей бесстыдно
все живое в зоне бед.
Остается миг надежды,
что промчатся дни лихие...
И, быть может, станет видно,
что включился дальний свет...

Что Батрадзы и Сосланы⁷
с небожителями дружат,
не склоняя вниз коленей,
не сгибая мощных спин.
Что дзуары⁸ и аланы
в бесконечном симде⁹ кружат –
без вражды, без словопрений,
с жаждой славы осетин!

КАРМАДОН

Там, где ледник-убийца Колка
ущелье проутюжил вмиг,
беды и горя сделал столько,
что не вместить их в рамки книг,
«Газель» летела до Гизели,
гонимая давлением зла...
А сзади с хрустом мялись ели
и корни их река несла.

⁷ мифологические богатыри (осет.)

⁸ мифологические духи-покровители, небожители (осет.)

⁹ осетинский круговой танец

Волна ударная крушила
основы скал, стирая в пыль...
Природа, видимо, решила
сметаморфозить сказку в быль!
Никто не верил в катаклизмы,
в новейших дней Армагеддон,
что не найдётся механизмов
предупредить вселенский стон!

Киновмешательство Бодрова
в спокойный ритм великих гор?
А может чьё-то злое слово?
Кто виноват? Напрасен спор!
Людской беспечности мотивы,
неуважение к святым, –
грехи обыденностью живы,
терпимо отношенье к ним!

Но наказание – сурово
за столь привычный беспредел!
И Кармадон напомнил снова
про бренность человеческих тел!
«Газель» домчалась до Гизели,
умчалась прочь от ледника,
в ней все, по счастью, уцелели!
И в том Всевышнего рука!

Утюг-ледник остановился,
там, где святого места знак!
Печальный опыт завершился!
Не наступил вселенский мрак!
«Святой Георгий! Покровитель
людей застигнутых в пути,
Кавказу верный небожитель,
нам помоги себя спасти!»

ПО СЛЕДАМ ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

Шёл восьмой день от начала изуверского нападения подведомственных грузинскому президенту войск на территорию южной части Осетии. По Алагирскому ущелью, оставив позади ярко-зеленую одежду предгорий, серопыльная асфальтовая лента Военно-Осетинской дороги вывела нашу машину к зияющему зеву Рокского тоннеля.

Обогнав несколько колонн с гуманитарным грузом, еще две, или три колонны тяжелой бронетехники, мы поравнялись с вереницей боевых машин десанта (БМД), на броне которых в касках, с полной боевой выкладкой, в бронезилетах – сидели десантники. Лица их были серьезными, покрытыми то ли пылью, то ли боевой камуфляжной окраской. В закрепленных ящичках из плохо струганных досок, мешавших удобному расположению ног, по-видимому, хранились боеприпасы. Грохот гусениц лучше всякого оркестра сопровождал этим парням на их долгом марше в южном направлении.

Из пасти Рокского тоннеля поднималось сизое марево. Даже его четырехкилометровое жерло не успевало выветривать выхлопные газы от пробивающихся на Юг колёсных и гусеничных средств передвижения и транспортировки. Время езды по тоннелю запомнилось не столько загазованностью воздуха (в Москве при стоянии в пробках не таким надышишься!), сколько размышлениями о природе русского словечка: «Авось!». Система вентиляции тоннелей по идее должна была обеспечивать многократный запас нагнетаемой, или генерируемой, пригодной для жизнедеятельности, дыхательной смеси, и удаление отработанного, насыщенного окисью углерода воздуха. Но проектировщики этого не учитывали. Авось обойдётся!? А ведь связывающий Север с Югом тоннель должен был выполнять свои функции даже в период схода снежных лавин, когда не военный, а обычный мирный транспорт мог быть сутками заблокированным в гигантской трубе. Не хо-

телось думать о том, что когда-нибудь сотни людей окажутся отравленными выхлопными газами в этой рукотворной братской могиле. А вот этого не случится!

Нам судьба и покровитель дорог и путников Уастырджи, как в Осетии называют святого Георгия, подарили возможность вдохнуть до отказа наичистейшего горного воздуха, мгновенно заставившего поверить в неизбежность творящегося вокруг добра, несмотря на предстоящую встречу со Злом!

Слева, в низине – одиноко стоящее, наполовину разрушенное бомбёжкой многоэтажное здание, продержавшееся в таком состоянии с девяностых годов прошлого столетия, со времени предыдущей грузино-осетинской войны. Солнце припекает, шины шуршат, горячий воздух обдувает лица, но в нависшей над головами тишине чувствуется тревожность, животное ощущение творящейся где-то рядом беды. Появились погруженные в зелень деревьев и садов дома селения Джавы (Дзау). Некоторые из них – иссечены осколками, крыши зияют черными дырами, поблизости – ни людей, ни скота. Следы обстрела грузинской авиацией. По улицам проносятся единичные чёрные свиньи, напоминающие собак, только лая – не слышно. Многочисленные пустые, заколоченные киоски, магазинчики, палатки только в двух-трёх местах можно увидеть приметы былой шумной торговли.

Сразу за селением – блокпост. Вооруженные солдаты останавливают нашу машину. Дальше по обычной и короткой дороге до Цхинвала – пути нет. Впереди – большая колонна военных полностью перекрыла движение. Предложено ехать в объезд по Зарской дороге – «дороге жизни», как её здесь называют. Она ведёт в горы и крутым серпантинном уходит ввысь. После грузино-осетинской войны 90-х годов дорога была расширена, асфальтовое покрытие местами – хорошее, на остальном протяжении – покрыта плотно укатанным щебнем.

Запахавшаяся машина осилила перевал и легко пока- тилась в сторону Цхинвала. На повороте – груды искорё- женного металла, по отдельным деталям которых можно до- гадаться, что это сгоревшие УАЗик и ещё какая-то легковуш- ка. Затем ещё, и ещё один автомобильный остов. Слева – над- гробные кресты, много свежих могил. Через дорогу, в на- правлении кладбища движется траурная процессия. Человек пятнадцать мужчин и женщин в чёрном. В руках – узелки с поминальной едой. Это жители окраины Цхинвала – уцелев- шие сами, но потерявшие своих родных и близких.

А вот и останки грузинского танка, будто изжёванного гигантским монстром. На самом въезде в город – ещё два танка со снесёнными башнями, закопченных, с обрывками одежды танкистов и какими-то фрагментами их тел. По улицам, ведущим в центр, вновь несколько подбитых тан- ков со скомканной бронёй, больше похожих на консервные банки со свалки. Потянул смрадом. Гнилостный трупный запах становится резче вблизи домов с подвалами. Карка- сы строений по обе стороны улиц. Крыш нет. Стёкол нет. Каждое второе здание почти полностью разрушено. Небо просвечивает через провалы на месте бывших окон. Следы огня и взрывов повсюду. Разбитые дороги. Правда, они ничем не отличаются от тульских. По крайней мере, ощу- щения после езды по ним – одинаковые. Стены домов ис- сечены осколками. Следов их так много, будто кто-то хо- тел сделать заготовки для гигантских сит. Это раны от раз- рывов снарядов «Града». Самый центр Цхинвала. Здание Правительства – опалённый памятник незавершённой вой- ны. На первых этажах его, в уцелевших помещениях, по- видимому, функционируют какие-то властные админист- ративные структуры, потому что туда и обратно снуют чуб- атые казаки в брюках с синими лампасами, отмечая какие- то командировки. На сохранившихся чудом на площади ска- мейках сидят по привычке старики, ведущие неспешный раз- говор о будущем. Напротив – руины бывшего театра. Пере-

крытий, как и крыши, нет. Будто из скорлупы стен огромной ложкой выскребли всё содержимое. Это потом Гергиев со своим оркестром заставит перед этими руинами плакать тех цхинвальцев, которые никогда не слышали симфонической музыки такого уровня. Симфония Шостаковича из блокадного замерзавшего Ленинграда оказалась актуальной и близкой людям маленького южного города.

КОНЦЕРТ ГЕРГИЕВА В ЦХИНВАЛЕ

С экрана горько плачет осетинка,
не пряча вмиг полученных седин.
В Цхинвале выступает Мариинка,
а, значит, – завтра есть у осетин!

Убитые из-под земли восстали
мерцанием оплавленных свечей.
На площади в растерзанном Цхинвале
звучит бессмертной музыки ручей.

Она была понятной, откровенной –
для всех, кто слышать это чудо мог!
Им думалось о самом сокровенном!
С небес сошел непобедимый Бог!

Там Гергиев в величии печали
руками – звуки в гимны собирал.
Хребты домов, руины школ – молчали...
Был город, как один концертный зал!

Пока в сердцах есть ноты сострадания,
вольнлюбивый не сломить народ!
Цхинвал, как город, стерт до основанья!
Цхинвал людей – по прежнему живет!

**16 августа 2008 год г. Цхинвал.
Башню снесло**

**16 августа 2008 год г. Цхинвал.
Утраченные иллюзии**

**16 августа 2008 год г. Цхинвал.
Перекресток наказаний**

**16 августа 2008 год г. Цхинвал.
Под градом «Града»**

**16 августа 2008 год г. Цхинвал.
Здание театра**

**16 августа 2008 год г. Цхинвал.
Руины театра**

**16 августа 2008 год г. Цхинвал.
Второй этаж дома Л. Пухаева**

**16 августа 2008 год г. Цхинвал.
Лев Пухаев (второй справа)**

Не бывает войн больших и малых для тех, кто погиб, или потерял родственников, или оказался изувеченным телесно и морально. Это всегда большая война, большая беда, большая утрата, большое зло. Запах войны – запах ада на Земле. И те, кто начинает войну с собственным, или любым другим народом, кто обрушивает танково-артиллерийскую мощь на беззащитных женщин и детей, палит из «Градов» по спящему городу с одной целью: уничтожить всё живое, дабы избавиться от нерешённых проблем – обречены на гибель.

Ещё перед поездкой в Осетию, в репортажах «Вестей» часто видел на экране осетинского мальчонку, в глазах которого были боль и удивление, а потом показывали шизофренические злые, но испуганные, глаза саакашвили. Его фамилию умышленно пишу с маленькой буквы. Это не человек. Уже тогда сложились следующие строки.

МАЛЬЧИК И ПРЕЗИДЕНТ

Народ привык глядеть в телеэкраны,
где ужас, секс и гибель каждый час...
Но почему же вдруг кровавой раной
всех поразил экранный красный глаз?

Их показали рядом, как нарочно.
Грузинский президент. И наш Пацан!
Один из них – болезненно порочный.
Другой – страдает от душевных ран.

Вот «демократ» фашистского засола,
вращенный дядей Сэмом «за бугром».
Там дом его, родня, семья и школа.
Ему плевать, что будет здесь потом!

В его портрете – суть наследства грубого.
Что есть – то есть! Нет челки и усов.
Есть психика Адольфа Шикльгрубера
и та же лживость не грузинских слов!

С улыбочкой и вскинутой ручонкой
над Грузией возвысился царек,
за океан смотрящий восхищенно.
Не фюрер он, а жалкий фюрерок!

Трусливостью рожденное нахальство
со страхом неизбежной кары ждет!
Но доллары подбросило начальство –
и он в клочки свою рубаху рвет.

Обман и геноцид – его деянья!
Проклятье на обманутый народ,
который он вовлек без покаянья
в кровавость дней, в войны водоворот.

А вот – Пацан в кепчоночке измятой
прикрыл рукой шепнувший что-то рот.
Ему что президенты, что солдаты...
Он объяснений и решений ждет!

В глазенках осетинского мальчишки,
как в зеркале, разрушенный Цхинвал,
ракетных взрывов огненные вспышки
и гаубично-танковый оскал.

В его глазах – две тысячи убитых
надежд, желаний, радостей, родных...
Две тыщи жизней, разом не дожитых...
И сотни детских люлек. Но – пустых....

В его глазах вопрос и ожиданье.
Кто виноват? И где найти ответ?
В них есть прощенье, боль и пониманье...
И только страха в этом взгляде – нет!

У предков страх не закрепился в генах!
Святой Георгий мальчика хранит!
Порок наказан будет - несомненно!
Но он не будет мальчиком забыт!

СААКАШВИЛИ

Трусливый президент смешон и жалок:
лохматый – внешне, скомканный – везде!
Мы памперсы пошлем тебе в подарок,
чтобы сидел прилично на суде!

Ты социально болен, невменяем,
к самоубийству склонный психопат!
Из-за «бугра» деньгами управляем,
и финиш твой – бездонный серный ад!

Нам памятны законы кровной мести
за оскорбленье родовых святынь –
отступникам без совести и чести,
способным на Освенцим и Хатынь!

Калоевых в Осетии немало,
готовых дать кинжальный свой ответ
на подлость, что покой людей сломала,
на ДНК оставив генный след!

От памяти людской нельзя укрыться!
Тебе грехи покоя не дадут!
И, если суд земной не совершится,
тебя найдет небесный высший суд!

Не избежать всевышней жесткой кары
за гибель многих тысяч осетин!
В глазах твоих не взрывы, не пожары,
а страх за месть рассерженных мужчин!

Кто кладбища с лицом земли равняет –
того проклятье наших предков ждет!
Кто святость древних храмов разрушает,
того Всевышний под землей найдет!

Святой Георгий Грузию покинул!
Пока ты там – его не вернуть!
Кто меч на свой народ из ножен вынул,
тому нельзя на этом свете жить!

В Цхинвал мы поехали втроём: я, Ростислав Качмазов и Алан Цогоев. У Ростислава в Цхинвале жил старый знакомый – Лев Пухаев. Когда мы уже собирались возвращаться, Ростислав предложил доехать до ул. Ленина, чтобы убедиться, жив его товарищ, или нет.

Около старых «Жигулей» спиной к нам копошился высокий, крупный мужчина лет шестидесяти пяти.

– Лёва! Здравствуй, дорогой! Я рад, что ты жив! – бросился к нему Ростислав.

– А я возмущён, что ты до сих пор не нашёл времени поведать меня!

Но, сквозь наигранно грубые слова, сквозило и братская нежность, и радость неожиданной встречи, да ещё в такое время! Слезы радости на глазах выдавали истинные чувства этого большого человека.

– Прошу в дом! Посмотрите, что от него осталось! Что с нами за одну ночь сделали грузины...

Дома, как такового, не было. Взрывом тяжелого снаряда вынесло все внутренности второго этажа, погнуло железобетон перекрытий, толстым слоем пыли, обломками и мусором покрыло всё на первом этаже.

– Заходите! Здесь, на открытой летней кухне есть баллонный газ, только что передали «гуманитарку» – два батона хлеба, есть кусок сыра, на огороде – помидоры, пожарю яичницу. Самое главное, снаряд не достал до подвала, а там есть достаточно вина, чтобы встретить друзей! Вот только, извините, в первый раз за свою жизнь не смогу угостить вас мясом!

Мы дружно, в один голос: «Какое мясо?! Слава Богу, что ты жив, что мы встретились, что Уастырджи сохранил тебя во здравии!»

Тем не менее, через несколько минут стол был накрыт. Это была тризна по безвременно ушедшим, по жертвам варварского нападения.

ДЕНЬ В ЦХИНВАЛЕ

Кто видел взгляд того, другого света
с зияющей бездонностью – в упор?
Пустые окна университета
в расстрелянном Цхинвале, как укор...

Всем, кто не видел варварской разрухи,
пусть не приснится этот страшный взгляд,
с которым дети, старики, старухи –
на наше безучастие глядят!

Они молчат! Лишь ветер завывает
меж обгоревшей стойкости руин...
Но этот взгляд нисколько не прощает
тех, кто войной пошел на осетин!

Кто выкормил бездарных троглодитов,
которым, правда, дали по зубам,
воjak трусливых, Богом позабытых!
Не знать покоя им ни здесь, ни там!

Был день, как день, по августовски жаркий.
После бомбежек отдыхал Цхинвал.
Осколками – иссеченные парки
усыпаны, как будто щебнем скал.

Сгоревших танков черные скелеты
на перекрестьях улиц городских –
свидетельство сражений, но при этом –
жизнь продолжалась в чаяньях людских!

В воротах дома, около машины,
случайно уцелевшей от стрельбы,
увидели дородного мужчину,
сгребавшего последствия пальбы.

«Пухаев Лев!» – представился достойно.
«Прошу друзей зайти в мой бывший дом!»
Он был спокоен. «Что нам смерть и войны?»
Вот только слезы сдерживал с трудом...

«Прошу к столу!» – «Какой тут стол, дружище?
Ведь дома – нет, развалины одни!»
«Есть стол и потолок, немного пищи,
горит очаг – немало в наши дни!»

А, значит, хлебом, солью – дом встречает
всех тех, кто к нам приехал в трудный час!
Всевышний и святой Георгий знают –
друг к другу, грешных, направляя нас!

Есть рог, вино, есть сыр и помидоры!
Все на столе. А то уж ждать невмочь!
Давайте вспомним тех людей, которых
мы потеряли в варварскую ночь!

Прошу простить, что мяса нету в доме!
Такое в этой жизни – первый раз!»
Мы слышали немало тостов, кроме
вот этих слов, так поразивших нас!

Был также тост, невысказанный, казалось
в разгромленных кварталах осетин:
«За память детства, что в сердцах осталась!
Давайте выпьем за друзей – грузин!

За тех, кто земляков предать не может,
Какой бы он не получил приказ!
Пусть им Всевышний в скорбный час поможет,
и пусть хранит от злодеяний нас!»

Неписанный закон гостеприимства
был Льву важней, чем танковый разбой!
Бомбить такой народ – пустое свинство!
Он выдержит любой смертельный бой!

Цхинвал живет, пока живут мужчины,
которым слово дружбы, как закон!
Пока согласие есть в стране единой
с названьем вековечным – Иристон!

Вот такой он, Лев Пухаев! Но у нас осталось чувство невыполненного долга по отношению к нему. Приехали внезапно (не рассчитывая на встречу, ибо после той разрушительной ночи трудно прогнозировать, кто выживет, кто нет...). Он нас угощал, а мы не привезли с собой ничего... Даже вода в те дни была привозная, не говоря о хлебе и продуктах. Уже после нашего отъезда Цгоев завёз Льву провизию и воду, тем самым, избавив нас от угрызений совести.

Возвращались мы по короткой дороге через Джаву, где посетили дом молодого, но уже известного и активного главы поселковой администрации. Передали через него наше желание встретиться с президентом Кокойты, чтобы уточнить сроки и объемы необходимой помощи.

Уже тогда было предчувствие, что Россия не ограничится вводом своих войск для «принуждения к миру» авантюристов, что близка самостоятельность маленького, но гордого народа. Этот народ, если бы не создавшиеся вокруг него политические интриги, готов был воссоединиться со своими братьями на Севере и с Россией.

Ведь Осетия исторически никогда не была подчинена ни одному государству, обеспечивая в свое время суверенность той же Грузии от турецкой интервенции своими войсками на основе договоренностей. Когда-то мужем грузинской царицы Тамары был осетин Давид Сослан, который использовал мощь и храбрость осетинских витязей для защиты Грузии. Все последующие попятные шаги Грузии к рукам земли Осетии по южную сторону Кавказского хребта пресекались еще русскими императорами, под протекторат которых вошла добровольно вся Осетия, как целостное государство. И только сталинское искусственное расчленение Осетии на Южную и Северную породило претензии Грузии на эту землю. Началось насильственное «огрузинивание» осетин – смена фамилий, переселение и пр. В результате – несколько серьезных осетинско-грузинских конфликтов, породивших вражду и непонимание, приведших к геноциду маленького народа Осетии, почище всякого «голодомора», раздуваемого ныне на Украине. К счастью, бездарная попытка уничтожить и стереть с лица Земли осетин – закономерно провалилась.

Но политики приходят и уходят, а народы остаются. И потому Лев Пухаев провозгласил тост за братьев-грузин, с которыми он рядом вырос, возмужал и состарился. Кавказ – толерантен. Но ему не везёт на лидеров, которые в собственных меркантильных интересах готовы идти на преступления, чтобы выслужиться перед заокеанскими «спонсорами». Но будущее – не за ними! Мудрость древних народов, кстати, принявших христианство задолго до Крещения Руси, должна победить!

ТОСТУЮЩИЕ
ПЬЮТ ДО ДНА!

МОЛИТВА ЗАСТОЛЬНАЯ № 1

Прими, Всевышний, нашу веру
такой, какой она сейчас
находит путь сквозь атмосферу
и отражает грешных нас!
Прими все наши достижения,
как жертву малую тебе!
Прости грехи! Прости сомненья!
Прости беспомощность в борьбе!
Войди, Хуыцау¹⁰, в наши жизни
с доступной помощью в делах,
чтобы служению Отчизне
не наступил вселенский крах!
Большому Богу все подвластно!
Ты даришь нам свиданий миг
и помогаешь ежечасно,
как детям в действиях своих!

Прими, Всевышний, наше братство
и за столом, и в дни беды!
Пусть дружба – главное богатство –
оставит на Земле следы!
Избави нас от унижений!
От глаз завистливых и злых!
От ожиданья поражений!
И от предательства своих!
Пока кинжал хранится в ножнах,
уйми врагов пустую спесь!
Чтобы с кавказских гор тревожных
к нам не пришла дурная весть!
Хвала тебе, наш вседержитель!
Храни все наши очаги!
Пока придем к тебе в обитель,
прожить достойно помоги!

¹⁰ Хуыцау – Всевышний (осет.)

МОЛИТВА ЗАСТОЛЬНАЯ № 2

Поднимая звонкие бокалы
за побед грядущих рубежи,
помните о том, что указал нам
путь надежный – сам Уастырджи¹¹!

Не пугает путников дорога,
вектором, направленным в века,
потому что нужно им немного:
мясо, зелень, сыр и арака!
Нужен повод, место приземленья,
крепкий «фынг»¹², или обычный стол,
и своих друзей расположенье,
и неповторимый женский пол!

Посмотри на нас, святой Георгий!
Пьем за руку верную твою!
Мы от нашей жизни не в восторге,
и с врагов снимаем чешую!
Пусть змеится существо дракона,
покачать сумеешь ты его!
Образ твой – волшебная икона!
А твое крыло – важней всего!

Путникам дорогу освящая,
умножая доблести мужчин,
мчишься ты, доспехами сверкая,
в белизну слепящую вершин!
Солнце – красит горные картины,
с высоты Уастырджи глядит!
В честь него пируют осетины,
но для всех народов стол накрыт!

¹¹ Уастырджи – святой Георгий (осет.)

¹² Фынг – трехногий стол (осет.)

БРАТСКИЙ ТОСТ

Кавказ укрылся пеной облаков –
ему прохладно в общем потепленье,
когда в ущелья рушатся каменья
еще не овеществленных слов.
Но близится эпоха созидания
кирпичесловьем – будущего здания!

Родится тост, с которым стоит жить:
ЗДОРОВЬЕ – долголетия основа!
УДАЧА – к предсказаниям готова!
ЛЮБОВЬ – как их связующая нить!
Но в чем таится их взаимосвязь?
Куда приводит буквенная вязь?

Не может без любви удача быть!
А без здоровья – что с любовью станет?
Удача – без здоровья вмиг завянет!
А без удачи – есть ли смысл любить?
Вопросами ответив на вопрос,
совать не буду в глубь понятий нос!

Кавказских братьев близок мне удел,
здесь, на российском поле единения,
нам подарившем знак благословения!
Дай, Бог, друзьям – реальность добрых дел!
За сущность наших праведных идей!
За общий стол! За братство всех людей!

ИНТЕЛЛИГЕНТУ

Где-то там на склонах Арарата
потерял ковчег по-пьянке Ной,
потому что армянина-брата
обойти не смог он стороной.

Пригубив нектар «Васпуракана»,
от «Наири» отхлебнув слегка,
на зеленом берегу Севана
побратались люди на века.

Слышит Тула голос Семерджяна,
стол накрыт, духмянется долма,
тосты льются в воздух беспрестанно
и чуть-чуть качаются дома...

Из Венева вмиг примчался Федя
хашламой украсив день и год.
Может, Ной когда-нибудь заедет
и ковчег в подарок привезет?

Жизнь интеллигентного Вазгена
«воспавать» с друзьями нам не лень.
С осетинским тостом непременно
будет праздник в каждый новый день!

СВАДЕБНЫЙ ТОСТ

Хуыцау¹³ преопределил
продление рода человеку,
его вхожденье в жизни реку,
на тяжкий труд благословил!
Он знает всей Вселенной код
и нам познать его дает!

¹³ Хуыцау – Всевышний (осет.)

Уастырджи¹⁴ своим крылом
прикрыл стремящихся к вершинам!
Дал мощь и зоркость осетинам
идушим к счастью напролом!
Указывая путь вперед, –
оберегает наш народ!

Услышав предков вечный зов
продолжить славу Иристон¹⁵,
во исполнение закона
в день свадьбы – славный пир готов!
Родных, гостей – заздравный круг,
в нем каждый – счастьем близкий друг!

Пусть слышит цепь над очагом
счастливых песен содержанье,
веселой музыки звучанье,
пусть близким станет новый дом!
Войти в него – невесте честь!
Она сумеет в нем расцвести!

Пусть «мыдыкъус»¹⁶ и «багæны»¹⁷
соседствуют друг с другом рядом
и с тем таинственным обрядом,
в котором воплотились сны!
Сегодня – радость в двух домах,
не выразить ее в словах!

Пускай торжественно звучат
сегодня тосты, песни, шутки!
На свадьбе – ни одной минутки
хмельные музы не молчат!
Пусть «фарн»¹⁸ приходит в каждый дом
и изобилье – будет в нем!

¹⁴ Уастырджи – Святой Георгий (осет.)

¹⁵ Иристон – Осетия (осет.)

¹⁶ Мыдыкъус – медовый обряд (осет.)

¹⁷ Багæны – осетинское пиво (осет.)

¹⁸ Фарн – счастье (осет.)

СТАРШЕМУ

Чем старше мы – тем меньше нас по сути,
но каждый миг и час вдвойне ценней!
И тем моложе мы, чем больше будет
застольем осчастливленных друзей.

Любой наш возраст – новое рождение,
в котором меркнет опыт прошлых лет:
иной кураж, иные заблужденья,
лишь мудрость излучает дивный свет.
Способен юбиляр заздравным тостом
в словах немногих – многое раскрыть.
А в суть попасть – всегда не очень просто,
но с детства он умеет «тамадить».
Сказать и спеть (и только то, что нужно),
не более того, а в самый раз.
Искусство красноречия, как служба,
которая во храме учит нас.

Достоинств многих южные плоды
в свою пору надежно вызревают...
К примеру – конь не портит борозды,
а пашет так, что мысли вверх взлетают!
И что такого, если шестьдесят?
Джигит всегда – в седле или в постели!
Оглядываться ни к чему назад,
пока есть недостигнутые цели.
Ведь было все! Торговлей управлял,
глюкозо-патокой Ефремов осчастливил,
спиртовым делом четко заправлял,
а сколько пива на желудки вылил!?

Кавказ и Тула! Это Фомичев
своей судьбой связал их воедино.
Происхождением – русский, но без слов
в нем виден образ брата-осетина.
Не будем мчать за благами Вселенной
запутавшись в несделанных делах,
поскольку с люльки знаем несомненно,
что дружба – величайшее из благ!
И эта дружба – зависти не знает
и в пятьдесят, и в шестьдесят, и в сто!
Она бокал хмельного наливает
и помешать не сможет ей никто!

ЗА СВАДЬБУ ПОТОМКОВ!

Бурлит поток минут, часов...
Секунды пеной брызжут
вокруг препятствий-валунов,
покрытых скользкой рыжью...
Мы знаем точно, что река –
не кончится обрывом,
пока еще крепка рука
на кружке с добрым пивом!

Поскольку надобно шагать
пять лет до перевала –
сумей от жизни столько брать,
чтоб всем вокруг хватало!
В ботинках, тапках, босиком –
гуляй по жизни смело!
А на машине, иль пешком –
кому какое дело?

От Дигоры и Чиколы,
из тесноты ущелий –
пусть к Туле тянутся столы
с друзьями и весельем!
Уастырджи благословил
дорогу ту, что надо!
Дай Бог, чтоб ты по ней ходил
и никогда не падал!

Пусть простотой своей легка
суть нынешней картины:
хлеб, мясо, соль и арака,
и братья-осетины!
Но вместе с ними – круг друзей
всех спектров цвета кожи.
И все желают поскорей
тебя поздравить тоже!

Да будет миг, когда твой внук
про свадьбу скажет слово!
А мы, услышав тоста звук,
здесь соберемся снова!

ТОСТ

Мой тост за женское терпенье
дающее мужчинам быть
не омраченными сомненьем,
а жить свободно и любить!
Мой тост за нежное касанье
(будь то любимый, иль лаваш),
за теста крепкого сминанье,
за ароматный вкусный фарш!
За сочность пирогов чудесных,
насытивших орду друзей,
не потерявших равновесья
под тостов праздничных елей.

Мой тост за дом, в котором шорох
открытых чувствуешь дверей,
где каждый гость, как близкий, дорог,
будь армянин он, иль еврей.
Святой Георгий дело знает,
пути прокладывая вдаль.
Он за столом! Он рядом с нами,
содружья закаляет сталь.
Ему послушная природа
взяла тайм-аут от зимы.
Стоит чудесная погода,
в которой растворились мы.

Мой тост за жизни вдохновенье!
За воплощение идей!
За женское (при нас) волненье
и за спокойствие детей!
Мой тост за искренность и честность!
Чтоб если быть – так навсегда!
За нашу общую известность,
в которой слава – ерунда!
За окружение заботой!
За излучение сердец!
За Богом данную субботу!
За эту встречу, наконец!

СЕРГЕЮ ВАЛЕНТИНОВИЧУ

Нет места в этой жизни без заскоков!
Уастырджи старался что есть сил,
когда столичный беженец Дзасохов
однажды в город Тулу заскочил.
И вот который год он ежедневно
на службе любит кофейку попить,
гомеостаз поправить непременно,
чтоб в двадцать первом веке долго жить.

Ни от хирурга, ни от гинеколога
он не услышит поздравлений вздор.
Назло судьбе ему от пульмонолога –
простой горяще-пепельный набор!
Он не простой курец, а злостный «смокер»,
короче – джентльмен на первый взгляд.
Вот – бабочка, а к ней получит смокинг
еще спустя каких-то шестьдесят!

Живи, земляк, чем дольше – тем мудрее!
Люби, кури и перекись вдыхай!
Половозрелый возраст юбилея
ты в этот день всерьез не принимай!

СВАДЕБНОЕ

Российско-осетинское содружество!
О чем подумать? Что тут говорить?
Друг с другом жить – всегда большое мужество,
но, главное – уметь друзей любить.

Денис с Фатимой – это как пророчество,
когда все ясно в дебрях бытия.
Наш главный тост – за вас, за новотворчество,
за то, что называется – семья!

Пусть соловьи засвищут в никуда!
Пуускай орлы хлопочут крутоносые!
А, значит, не коснется вас беда,
но будет испытание вопросами.

Пусть музыка гремит набатно-глушаще!
Пуускай не слышим наших тостов суть!
Денис с Фатимой! Вам желаем лучшего,
за ваш счастливый и совместный путь!

ВИРТУАЛЬНЫЙ ТОСТ

(отрывки из поэмы «Прощай, тысячелетие второе»)

* * *

Залив вечерний на картине
вот-вот закат зальет в кармин,
накидкой изумрудно-синей
прикрыв волнение глубин.
Йодированный запах моря
с благословения небес
прибрежный омывает лес,
шуршанью бриза чайки вторят,
от жара солнечных лучей
горит вода в сто тыщ свечей,
богатство красок с рамой спорят...
Художник их не пожалел,
приблизить лето захотел...

Но нам февраль милей июля,
затем, что горные хребты,
которые хребтов не гнули,
на нашей родине круты.
Кавказ закутан в бурку снега...
Слепяще-сахарных вершин
достиг грузин и осетин,
не замедляя темпа бега,
поскольку солнце и мороз
им заменяли запах роз,
был воздух гор – важней ночлега,
вкусней, чем запах шашлыка,
надежен, как друзей рука.

* * *

Святой Георгий всем, кто может,
сегодня выпить разрешит,
и всех, кто нам всего дороже,
на долгий путь благословит!
Пусть за окном мороз крепчает,
в грядущий век – беспорен путь!
В него хотим мы заглянуть
вовсю содвинувшись плечами.
Застольно-дружеский альянс –
пускай объединяет нас
не только добрыми словами!
За чистых поздравлений вал
я виртуальный пью бокал!

* * *

С Кавказом дружба исторична
России славных сыновей.
Она – крепка, она – логична,
и не шашлык – основа в ней.
Не плов – визитка Ставрополя,
не сало – Украины свет...
Надежней не было, и нет –
общенья всех в едином поле!
Взаимопониманья дух –
он воплощается не вдруг,
хотя бы в нашем друге – Коле.
Ура! Да здравствует стрелец!
Давайте выпьем, наконец!

Ю.И.

С весною Новый год приходит –
считали древние не зря.
Нам всем неплохо жить по моде
восточного календаря.
Земля поет в апреле-мае,
бушует зелень в полный рост,
а над Воронкой вызревает
пятидесятилетний тост.

Вдали от Грузии цветущей,
хмелящей горной чистотой,
на долголетие зовущей –
живет и пашет наш герой.
Российских генов половина –
с грузинской навсегда в ладах.
В нем есть чуть-чуть – от осетина...
(Что не случается в горах!)

Пуускай он доктор и профессор,
последипломья мудрый шеф,
не будем говорить при прессе
о дамах червь и дамах трэф.
Любимец женщин по природе –
казачку где-то отыскал...
Надежно с ней полжизни бродит
и говорит, что не устал.

Ему подвластны: и науки,
и горбольница номер «Раз»,
облизбиркомовские муки,
и даже думы про Кавказ.
Здесь – мандарины издалека,
никто не кушал хашламу...
Зато друзья – всегда под боком,
есть пища телу и уму.

Ну, а шашлык и хачапури
теперь и в Туле без проблем.
Поэтому, братишка Юрий,
позволь тебя поздравить с тем,
что сохранил свою улыбку,
веселый нрав и зоркий глаз.
Что жизнь без права на ошибку
тобою избрана сейчас!

Желаю творческих свершений,
чтоб пыл научный не угас!
Дождись потомков сотворений
колене в пятом после нас!
Надежно прирастай друзьями!
На женщин время находи!
Ведь на пути, открытом нами –
Святой Георгий впереди!

А.Г.

Пусть говорят про возраст что угодно
все те, кому по жизни не понять,
что есть джигит с признаньем всенародным,
которому лишь два по тридцать пять!

Он – навсегда в научных изысканьях.
Изъездил много зарубежных стран.
Замечен был – во всех почетных званиях.
И дело в том, что это – Гаспарян!

Его душа, как прежде, молодая –
зовет родных, коллег и молодежь.
Всех добротой армянской обнимает,
друзьям его поздравить – невтерпеж!

Кавказское лицо с московским взглядом.
И – не при чем алмазный юбилей!
Пусть с гор далеких льются водопады
так долго, как захочет Водолей!

Его портфель профессорский наполнен
научными трудами – только так!
Но мы ему про истину напомним:
всегда в портфеле должен быть коньяк!

В дни торжества, когда звенят бокалы,
пускай Всевышний осеняет нас!
И, сколько бы не жить, пусть будет мало!
Ровесником – Вам должен быть Кавказ!

МОЛОДОМУ МУЖЧИНЕ-ЗЕМЛЯКУ

Этот день – прекрасный миг рожденья
освящает возраст тех мужчин,
для которых выше нет общенья,
чем сидеть в застолье осетин.

За столом, где арака и пиво
начинают вечный разговор,
земляки спокойно и красиво
мыслям и словам дают простор.
Должное отдав Большому Богу,
не забыв Уастырджи в пути,
тостам открывается дорога,
по которой нелегко идти.
Осетинских пирогов творенью
воздается должное всегда,
ведь они – причина озаренья
и в стихах и в тостах без труда.

Женщины испытанные наши
в перепадах жизненных невзгод –
любят любовь в добра хмельные чаши,
с ними день считается за год.
Юбиляра вспомнив не случайно,
посвятив ему бокалов звон,
отмечаем как большую тайну,
что уже не очень юный он.
Глаз косит на кое-что под юбкой...
В этом взгляде есть секрет один:
сорок лет он впитывает губкой
опыт старших – мудрых осетин.
Пусть покой в его семье пребудет!
Зрелость – доблесть истинных мужчин!
Но гормонов южных – не убудет,
с ними расставаться нет причин!

Седина, как будто дань природе,
Осетинский слушая мотив,
Смоль усов чуть тронула по моде,
Лихо шевелюру осветив.
А на вираже десятилетий,
Новых ритмов слыша дробный стук,
Ус крутнув, мечту вздымая плетью,

Счастье он не выпустит из рук.
Обернувшись к горным перевалам,
Развернув в лице юбилей,
Он джигит в больших делах и малых,
Круг судьбы вращает для друзей.

Предлагаю осушить стаканы
за Сослана в этот день и час,
и считать, что юбилеить рано,
но поздравить можно в самый раз!

МУДРОМУ АРМЯНИНУ

От бело-араратовых высот
в сарьяновское небо бьет прохлада,
оранжевое солнце как награда,
которая достойного найдет.
Стоит в веках святой Эчмиадзин
опорой духа древнего народа,
которому желанная свобода
была нужна, как старой маме сын.
Рождается неистовый Вазген
для воплощенья множества желаний,
для дружбы, для любви, для возлияний,
для превращенья в двери злобных стен.
Припав к всесильем пахнущей земле,
ты ощути ее набат надежный!
Пусть бодрый возраст, для других тревожный,
лишь камешком пребудет на скале!
Пусть жизнь красивой будет, как Севан,
как горных рек искрящаяся благодать!
Пусть сотню лет, с которой жить осталось,
сопровождает водка и ишхан¹⁹!
Пусть женщины приходят на прием
не только за рецептом и советом!
И пусть друзья твои на свете этом
сидят за вечно праздничным столом!

НИ СЛОВА О ЖЕНЩИНАХ

Пусть Всевышний на грешной Земле
помощь нам не сочтет за обузу,
если жизнь на бильярдном столе
срикошетит нечаянно в лузу!

¹⁹ Ишхан – название севанской форели

Вдалеке от торжественных гор
жизнь равнинная – нежно–сурова!
В ней друзей многочисленный хор,
но о женщинах в песнях – ни слова!
На картошке с селедкой возвращен
пирогов осетинских ценитель!
Не был сам никогда уценен
всем известный алан-победитель!
Возраст свой нет причины скрывать,
если сердце на подвиг готово!
Можно просто о нем промолчать,
и о женщинах тоже – ни слова!
Тонны мази извел на больных,
но добился в лечение успеха!
Помогал при болезнях иных,
от которых друзьям – не до смеха!

Вечный критик армянских друзей –
с ними в доле: от хлеба до крова!
Но об этом нельзя в юбилей,
и о женщинах, кстати, ни слова!
На гербе его – кий и кроссворд,
знак вопроса к седому Кавказу!
Он Дианой и Аликом – горд,
хоть об этом не скажет ни разу!
Есть в семействе известный доцент,
лингвистической тайны основа.
Рядом с ней наш Алан – монумент!
Мы о женщинах, Белла, ни слова!
Много тех, кто хотел бы сказать
про Алана открыто и честно,
что его молодецкая статья
резонанс вызывает известный.

Наши жены в него влюблены.
Ну и что в этом факте плохого?
Нам соперники – тоже нужны,
но о женщинах, точно, ни слова!
Шесть десятков – вершина пути,
а за ней – еще выше вершина.
Надо к ней в бесконечность идти
легким шагом бойца осетина!
Пусть святого Георгия тень
будет знаком мужского покрова!
Пусть делами наполнится день,
а о женщинах, просто, ни слова!
Чтобы были друзья и семья
безусловной средой обитанья!
Пусть густеет макушка твоя,
написав седине завещанье!

Пусть струи не слабеет напор!
Пусть душа будет в теле – здорова!
А в стихах, не сочтите за вздор,
все – о женщинах, каждое слово!

МОЛОДЫМ

Мы вас не знаем, молодые,
которым долго до зимы!
Быть может, в чем-то вы – крутые,
а кое в чем покруче мы!
Не знаем мы, какой дорогой
идти вам хочется вдвоем,
но пусть с хорошего порога
начнется ваш совместный дом!

А общий путь избрать не просто,
каким он будет – вам решать!
Его не напророчить в тостах,
да и в стихах не рассказать!
Тут не помочь голосованьем,
бессилен высших сфер Указ!
Ваш выбор – ваше пониманье
ошибок старших, значит – нас!
Святой Георгий, по преданью,
хранит решившихся идти.
Пусть он, потомкам в назиданье,
поможет в выборе пути!

Жизнь – это проза со стихами,
объединенными в одно.
Какой ей быть – решайте сами,
пока мы видим рюмок дно!
И мы проверим вас, насколько
крепка закваска у любви?
Лет через двадцать плюс полстолька,
ты нас, Фидаров, созови!
И вот тогда, чуть-чуть седые,
серьезные, как госконтроль,
от вас узнаем, молодые,
какую вы сыграли роль,
каких потомков вы взрастили,
какие сами молодцы!
Пусть будет все, чему учили
друзья, и деды, и отцы!

Поднимем кубки изобилья
за ком желаний непростых:
за наше общее всеилье,
за мир, за счастье молодых!

МОЛОДОМУ, ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕМУ

Пусть время, будто снежная лавина,
несет нас вдаль, и нет пути назад!
Мы славим день рожденья осетина,
которому сегодня – пятьдесят!
Не знаю, где Стырдон (или Джоджора),
а где долина Козская в горах!
Но выросли на сунженских просторах
потомки тех, кому не ведом страх!

Известно, что кударцы – это скифы!
Что «Царазонта» – воины навек!
В фамилии «Качмазовы» – не мифы,
в ней отразился рокот горных рек!
Добрался Ростислав до перевала!
А там – вершины новые видны!
И пусть в прошедшем сделано немало,
для бóльших дел Качмазовы нужны!

Есть сыновья – есть продолженье рода!
Качмазовский характер прям и крут!
И, хоть у них бойцовская порода,
но войны – пусть в историю уйдут!
Уастырджи своим крылом надежным
пускай укроет славную семью!
За этот век, чтоб не был он тревожным!
За юбилей полсотенный я пью!

В двадцать втором столетье – пусть стареет!
Пусть будет с ним бесчисленность друзей!
В три тысячи восьмом пускай созреет,
нас пригласив на новый юбилей!

ДУХ АРМЕНИИ

У «Лукоморья» сквер зеленый,
возделанный с большим трудом,
армянским братством вдохновленный –
зовет к себе, как в отчий дом.
Никто налево тут не ходит,
никто направо не пойдет!
Дорогу к землякам находит
лишь тот, кто движется вперед!
Сегодня – Гришин день рожденья,
друзей – бесчисленность за столом!
Звучат душевно поздравленья
пусть с молодым, но важным днем!
На трудоемкий автобизнес
его Карлен благословил.
Все трудности он с честью вынес
и дальше дело раскрутил.
Тут все спешат поздравить Гришу,
себя достойно показать!
Сюда, под Грачикову крышу,
идут спокойно отдыхать.
Тут «Мурку» слушать неуместно,
когда душой поет дудук,
когда напевностью чудесной
тревожит сердце нежный звук.
Как Паганини вихрем чувства
рождал из звуков песню звезд,
тут покорял своим искусством
один армянский виртуоз!

Потомков древнего народа
везде земля родная ждет!
И даже тульская погода
армянским жаром обдает!
И «карабахским», и «бакинским» –
гостеприимный стол – один!
Есть место братьям осетинским
там, где сухумский армянин!
Тут тост заздравный не растает!
Тут дух Армении витает!

ТОСТ В.Г.К.

Мы знаем – Гость подобен Богу!
Его достоинства мы чтим
и пьем за дальнюю дорогу,
что обошлась по-братски с ним!

Что он к нам вовремя добрался,
крылом Уастырджи²⁰ храним!
Что с девками не задержался,
хоть инструмент надежный с ним!
Мы пьем за то, что не однажды
он за борт отправлял княжен,
и утолял засушье жажды,
поскольку дружбе – верен он!
Не Вечный Жид в заморье странствий
теперь болтается один!
На околосемном пространстве
сейчас колдует осетин!

²⁰ Уастырджи – святой Георгий (осет.)

Здоровье страждущим приносит
от тундры до кавказских гор!
Наш стол его подняться просит
под тостов громогласных хор!

ВОСЕМЬ ВЕРШИН БЕРЕЗОВА Т.

Восемь десятков, как восемь вершин,
покорены не случайно.
В суть биохимии вник осетин,
опыт неся за плечами.
Труд и талант – два надежных крыла,
в жизненной смуте опора –
ввысь поднимали седого орла
к тайнам ночного дозора.
Светлые мысли нести суждено
горцу в теснинах событий.
Право на это не многим дано:
быть на вершинах открытий.

Знает Всевышний, кому доверять
пламень бессмертной науки!
Тем, в чьих руках начинают звучать
формул аккордные звуки!
Горы-джигиты в папахх снегов
день юбилейный встречают –
рушатся вниз камнепадом стихов,
к добрым делам приглашают.
Сколько еще неподъемных забот
ляжет на крепкие плечи?
Тяжесть учебников, слава, почет,
тосты, хвалебные речи...

Магия чисел пророчит совет:
быть непременно удаче,
если направит течение лет
численный ряд Фибоначчи!
Восемь, тринадцать и двадцать один!
В пламенном вихре столетий –
столько десятков, Бог даст, осетин
будет творить на планете!
Старших не помнить – себя не ценить,
в этом всегда мы едины!
Не прерывается общности нить
в слове и деле мужчины!

Гордость Осетии – Темирболат
мудрости служит примером!
Факелы новых свершений горят!
Будущий век под прицелом!

С ЮБИЛЕЕМ!

Говорят, в Эчмиадзине
горный воздух чист и свят,
небосвод лазурно-синий,
свечи на ветру горят.
Арарат вдали белеет,
древней сказкой – Ереван,
как дитя форель лелеет
влага озера Севан.
Пятьдесят – не очень много!
Полстолетья – это да!
В этот день зовёт в дорогу
путеводная звезда.

И Давид Сасунский лихо
вздыбил мощного коня
так, что в Туле стало тихо,
только звякнула броня.
Сын Армении прекрасной
взял полсотенный барьер!
Он ворвался не напрасно
на просторы разных сфер.
Были взлеты и потери,
знал богатство и нужду,
но всегда в фортуны верил,
в эту самую звезду!

Гагик, два Ашота, Грачик,
Федя, (он же – Арутюн),
есть Альберт, а это значит –
в сборе весь «Дашнакцутюн».
Он по-русски очень просто
называется – «Союз».
Это значит – будут тосты
и улыбки нежных муз.
Здесь надёжный друг Папяна,
брат Армении – Алан,
взял билет до Еревана
наш профессор Семерджян...

Всех собрал сегодня Рафик,
кто ему приятен был,
но на тосты есть свой график,
я о нём не позабыл.
Встретил нас «Купец Платонов»,
в нём секрет армянский есть:
вместо звездочек погонов –
на бутылках звёзд не счесть!
Будь здоров, строитель века!
Есть хачкар! Инд-Гарник, – есть!
За большого человека
и в его сегодня честь!

АРМЯНИНУ РОССИИ

Ну и пусть, что пятьдесят!
Ну и пусть, что дед!
Годы весело свистят
нашей жизни вслед!

Где Гокча, или Севан
в бурку гор одет,
там – кяварец Гурурян
был рожден на свет.
Федя, что ни говори,
не боюсь труда,
взял красавицу Мари
в жены навсегда!
Мэри, Норик и Виген –
их трудов итог!
Есть наследства мощный ген,
помогает Бог!

Мудрый папа Эдисон
рядом, как всегда.
То в Венев поедет он,
то опять сюда.
Друг по жизни, но как друг –
Арутюн не прост!
За общенья важный круг
поднимаем тост!
Пусть надежные дела
принесут доход!
Быть вокруг его стола
суете забот!

Где Севан избыток вод
бурно льет в Раздан,
там его, конечно, ждет
родина армян!
Только кто тогда у нас
крыши будет крыть?
Кто в счастливый жизни час
с нами будет пить?
Ну и пусть, что пятьдесят!
Ну и пусть, что дед!
За столом друзья сидят!
Выше – счастья нет!

Будь здоров, армянский брат!
Жизни и добра!
Дружбы свет – по жизни свят!
За тебя, ура!

ГРАЧИКУ

Обычный день! Всего-то сорок лет!
Грядет весна, ручьев журчащих плач...
Расплавит снег от солнца жаркий свет,
и прилетит весенней птицей – грач!
Армении лучистой верный сын!
Друзья с тобой – хоть в радость, хоть в беду!
От имени всех тульских осетин –
«Ура тебе! Грачу и «Какаду»!
Поэт хохлатый – редкий попугай!
Все перья растрепались по стране!
Меня, ты, Грачик, шибко не ругай,
поскольку мысли лысые – в цене!

Пускай тебе всегда поет дудук²¹,
а небо красят сполохи зари!
Пока кавказских ритмов слышен звук –
пусть не пустует место в кочари²²!
Все говорят, что ты – интеллигент!
Что нестандартно мыслишь головой!
Но ты еще для всех – надежный «кент»:
на отдыхе и в жизни деловой!

Армянским коньяком не будешь пьян,
идя по тропам нынешних забот.
Справляет сорок лет Багдасарян,
он точно нам по маленькой нальет!

Подняв бокал за эти сорок лет,
ему желаем водопад удач!
Ни возраста, ни дат у дружбы нет!
Пусть каждый год твой будет добрым, Грач!

Ф.Г.

Когда торжественную ноту
обнял прозрачно-нежный звук, –
в «Купце Платонове», в субботу
запел Армении дудук!
Хмелится свадьба настроеньем,
весельем полнится бокал,
друзей, знакомых – полон зал,
сердца их бьются с упоеньем!
И даже древний Арарат,
там, за границей, тоже рад –
не может справиться с волненьем!

²¹ Дудук – арм. музыкальный инструмент

²² Кочари – арм. танец-хоровод

Седой Масис немножко пьян,
но он прохладой гор трезвится,
пока Гокча (или Севан)
в похмелье вод своих резвится!
День этой свадьбы освятит
российский взгляд на Украину!
Не принимайте за чужбину –
страну, где ваш очаг горит!
Земля у нас для всех – одна:
источник хлеба и вина,
надежды вечный монолит!

Жених с невестой! Ваш союз
объединяет наши страны!
Семейный груз – нелегкий груз,
но груз любимый и желанный!
Преодоление забот –
пусть разжигает жизни пламень,
поскольку под лежащий камень
вода Севана не течет!
Избрав совместный путь вдвоем,
дай Бог понять друг друга в нем,
найти и славу и почет!

Не стоит спорить, кто нужней:
юрист иль врач, иль оба вместе?
Вопрос: «Кто в данный миг важней?» –
не будем задавать невесте!
Пусть год две тысячи шестой
над «i» свои расставит точки,
поскольку истины росточки
не вырастут в вопрос пустой.
Надуманый решился спор:
в семье и врач и прокурор,
и от удачи нет отсрочки!

Своих родителей – любите!
Они для вас – хвалебный хор
и прокурорский ваш надзор!
Добром за их добро платите!
Помог Всевышний без сомненья
найти заветный резонанс,
как единенья верный шанс,
и к общей радости стремленье!
Идите вброд по жизни сей
на радость предков и друзей!
Пусть не иссякнет вдохновенье!

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Страницы книги жизненной листая
нашел одну, которой только – год!
Купеева Володи внучка – Майя
объектом счастья в майский день цветет!
Взирая удивленными глазами
на этих дней сплошной круговорот,
к Тимуру – папе и к Алине – маме
она на ножках мысленно идет.

Расти в любви родителей и дедов,
приумножая радость их друзьям!
Расти, в пути кручины не изведав!
Дороги ровной, без глубоких ям!
Пускай горит на трассе мироздания
зеленым светом жизни светофор!
И никогда не омрачит сознанья
препятствий мелких несерьезный вздор!

Пусть гор кавказских мощная преграда
ее от бурь житейских защитит!
Пусть снежных шапок легкая прохлада
на добрые деянья вдохновит!

Пушкой Всевышний солнцем согревает
ее здоровья крепнувший росток!
Пусть ей сегодня каждый пожелает
цвести как майский сказочный цветок!

Открыта только первая страница,
пусть будет долгим многотомный труд!
Нам надо к бесконечности стремиться,
купаясь в счастье радостных минут!

Р.С.К.

Мы не ждем приказов и указов
в Туле – на исходе февраля,
потому что Ростислав Качмазов
в Щекино колдует у руля.
Собрались друзья по доброй воле,
сбившись в тесный и единый круг!
Нас Всевышний наградить изволил –
день рожденья отмечает друг.

Пусть земля Осетии ликует
в единеньи братства и любви!
Пусть никто костер войны не вздует,
ибо храм не строят на крови!
Пусть растет мой крестник выше крыши!
Пусть «бланткнот» толстеет всякий раз
от трудов, которые напишет
он про дедов, девок и Кавказ!

Пусть не хватит МАЗов и КАМазов,
чтобы счастье другу доставлять!
Пусть в министры движется Качмазов,
чтобы не просить, а отдавать!
Как Бесо, живи сто лет и дольше –
всем непонимающим назло!
Каждый день имей всего – побольше,
чтобы елось, пилось и везло!

ПРОЗА

ШАЛДОН (рассказ)

«Он шел по улице, подсвеченной желтым, мигающим светом уличных фонарей. За витринным стеклом в помещении то ли магазина (но без товаров и продавщиц), то ли спортзала (но без каких-либо спортивных снарядов) стояла женщина. Без возраста. Без особых примет, кроме улыбающихся распахнутых глаз. В светлом платье, также без определенного цвета, с вырезом на спине. В ногах у нее лежал мяч, обычный, но тоже без примет: ни футбольный, ни волейбольный, – просто мяч. Невидимым движением ноги женщина послала его прямо в стекло витрины. На стекле от удара зазвездилась и закружились искрящиеся трещины. Через мгновение он увидел женщину, уже перешагнувшую через порог. Казалось, что они знакомы давным-давно и уже многое знают друг о друге. Но была какая-то: то ли неясность в ее глазах, то ли недоговоренность мысли, то ли предвидение будущего... Он предложил ей пройти за угол, где находился известный ресторан, расположенный в подвальном помещении, но носивший все признаки классности и по кухне и по обстановке. Однако она не согласилась, а предложила идти через заросший спутанными, оголенными ветками кустарника двор, по которому вела еле видная тропа. Была ни зима, ни лето. Но деревья стояли без листвы. Начинаял накрапывать дождь.

– «Там подальше есть пансионат, где можно вкусно покушать в кафе, при свечах...» – прошептала она.

– «Хорошо...» подумал он.

Сразу за поворотом в низине открылась картина небольшого, из 5–6 домиков пансионата, за которым были видны очертания деревенских домов.

– «Откуда здесь село?» – промелькнуло в голове.

Но ноги быстро и легко уже набирали скорость под уклон. Женщина все время была чуть впереди. У скособоченного домика на скамейке сидели две старушки, пронзительными и все понимающими взглядами оценивающие невесту откуда взявшихся путешественников. На них поблескивали истертые черного цвета (под бархат) как бы полушубки, или куртки, модные в свое время в деревнях. Одна из них, лузгая беспрерывно (по запаху, видимо пережаренные) душистые семечки, сказала: «Идти

вниз под горку, там правда воды много, но эдак будет покороче. Вон там подале ваше кафе и будить!».

И тут же в темноте пропал и дом, и бабки, только чернота ночи густо за клубилась в том самом месте. Женщина неожиданно молча бросилась в откуда-то появившийся наполненный водой канал и быстро пошла вперед, как бы пробираясь через вращающее тяжелую, темную воду течение. Вода была ей по пояс. Платье быстро пропитывалось водой, намочая также и от сильного дождя, появившегося из ночи. Вдруг правее канала появилась тропинка с лежащей на ней скользкой доской. Появилась возможность пройти, не замочив ног, прямо к цели. Он быстро догнал женщину, которая остановилась, смущенно и доверчиво глядя прямо в глаза. «Мне надо переодеться. Я сейчас...» И она нагнулась, чтоб взяться за подол длинного, ставшего тяжелым от воды платья. Верхняя граница декольте отпала вниз, и перед глазами в полном объеме предстали красивые полные груди с заманчивыми бугорками сосков. Одним движением прошуршало сброшенное платье. Но он видел только обеспокоенные женские глаза.

– Знаешь, я не успела сбегать в туалет. Можно, я на минуточку отойду?

– Конечно, иди...

Она отошла в тень (почему темной ночью тень?) какого-то домика, похожего на баню. На ней уже было белое сухое платье (откуда?). Вдруг справа показались два деревенских парня, толкающих перед собой тележку с каким-то грузом и двигавшихся по направлению к женщине. Он решил громко предупредить ее, открыл рот, но звуки, как бы остывшие из-за непогоды, не были слышны даже ему самому...»

Именно в этот момент Руслан проснулся, сожалел об отсутствии продолжения такого необычного сна, внутренним чувством надеясь, что, закрыв глаза, удастся досмотреть что-нибудь из только что увиденного. Но, увы! Надо было вставать. Впереди – полный студенческих забот день. Вся жизнь еще только начиналась.

Лето тысяча девятьсот шестидесятого года было обычным для Северного Кавказа. Вечером и ночью в душно-пыльной атмосфере с разрывающим воздух треском громыхал гром вперемежку со вспышками бело-фиолетовых молний. Затем обильные дождевые потоки дочиства смывали с асфальта всю нако-

пившуюся за день грязь. Утром город оказывался блестяще вымытым, воздух – становился прозрачно-чистым и свежим, а лужицы после очистительного дождя – отражали солнечные улыбки и яркую зелень деревьев.

Городской бульвар вдруг и сразу заполнялся людьми: гуляющими, спешащими на работу, просто проводящими время в свое удовольствие. Бодрые старушки в черных платках и чернобровые женщины в ярких косынках осторожно несли положенные на блюда и завязанные в марлевые узлы только что испеченные, хорошо промасленные, солнечные круги осетинских пирогов с сыром, на которых уютно возлежали жирные желтые отварные куры. Видимо на соседней улице предвиделось какое-то торжество. Обязательные три пирога и курица, укутанные в марлю, да еще и графин с аракой (кукурузной водкой, пахнущей прожаренной соломой и дымом костра), – со всех сторон стекались в празднующий дом вместе со своими дарителями, чтобы занять достойное место на гостеприимном столе.

Мужчины (постарше – в каракулевых папахах, помладше – в огромных размеров фуражках – «аэродромах»), степенно переговариваясь между собой, передвигались в том же направлении, но отдельно от женщин.

Студенты, то ли прогуливающие лекции, то ли просто проводящие время перед занятиями, громко хохотали, кучковались группами по несколько человек, создавая летучие очереди то перед киоском с газировкой, то перед лотком с пирожками. Вода была: за копейку – без сиропа, а за четыре копейки – с бледно-вишневым сиропом, сладость и запах которого лишь отдаленно напоминали о его названии. Но сама по себе вода – была воистину настоящим напитком! Даже без газирования ее ломящий зубы холод подчеркивал особый, не сравнимый ни с чем вкус. Да, именно, вкус! Не чета теперешней сверх очищенной, патентованной, дистиллированной, хорошо «бутилированной» жидкости! Разница – как между живой и мертвой водой из сказок! Может, водозабор осуществлялся в естественных источниках из-под ледников, может, город был менее громоздким и ненасытным? Только лет через двадцать такого вкуса у воды уже не ощущалось. Чтобы почувствовать его, надо было подниматься высоко в горы.

А темно- и светло-коричневые, золотистые от масла, хрустящие на местах закрутки, только что пожаренные пирожки –

длинные, подобно похудевшим веретенам! Они стоили по пять копеек, их почему-то называли «пирожки с котятами», но начинка была нежной, из субпродуктов, от них исходил запах печени с луком и специями, на языке таял хорошо прокрученный фарш. Тесто – простое, но ароматное. Пирожки вручались покупателям в кусочках белой промаслившейся бумаги, которая служила также салфеткой. Для студентов, получавших от 20 до 40 рублей (при повышенной стипендии!) – это было и доступно, и вкусно, и необходимо.

На многочисленных скамейках под тенью гигантских тополей сидели пенсионеры, беседовали о мировых проблемах, читали свежие газеты, играли в нарды, шахматы, шашки. Вокруг них – галдящие болельщики разных возрастов, снующие от скамейки к скамейке. Вдруг появлялся кто-нибудь с осетинской гармошкой. Спонтанно начинались национальные танцы, пелись протяжные горские песни. По проспекту прогуливались (также небольшими группами) люди, объединенные либо общими делами, либо просто дружбой – с желанием поделиться какими то новостями на фоне умытого города, ласкового солнца и старинных одно- двухэтажных домов, в ту пору еще не завешанных аляповатой и надоедливой рекламой.

К середине дня солнце начинало усиленно испарять воду, наступала жара, воздух высыхал, гуляющие и отдыхающие постепенно покидали проспект и тенистый бульвар, громыхающие и клацающие на стыках рельс трамваи поглощали молодежь, ищущую новых развлечений на водной станции. Трамваи были в основном такими же, как и сейчас. Но по некоторым маршрутам еще ходили старые вагоны с открывающимися вручную дверьми, знакомыми по картинам с участием Чарли Чаплина и Игоря Ильинского.

С подножки такого вагона на повороте около кинотеатра «Дружба» и прыгнул Руслан. Он был худощав, но крепок, потому что занимался всеми доступными видами спорта, как это делали все ребята в те годы, в том числе и популярной среди всех кавказских народов вольной борьбой. Поэтому шея его была мощной, уши слегка примяты и напоминали собой пельмени. На нем была черная, сшитая младшей сестрой по его собственному заказу, рубашка с кокеткой. Только что привезенные из Польши и купленные в давке на рынке джинсы также черного цвета с желтой строчкой и черные узконосые ботинки заверша-

ли его одеяние. Правда, к джинсовой ткани простое полотно не имело никакого отношения, поскольку уже в те времена польские предприниматели делали на этом ширпотребе хороший бизнес.

Такой подбор одежды не был случайным. Только что с ошеломляющим успехом по стране прокатился один из первых американских вестернов – «Великолепная семерка». Юл Бриннер в роли Криса стал кумиром молодежи, впервые ощутившей аромат дикого Запада: лошадиных седел, дымящихся гильз от «Кольтов» и бесшабашной храбрости «семерки». Правда, потом дошла информация о том, что это только перепев истории семи самураев, которую уже реализовал в кино Акиро Куросава. Но для молодежи из провинции, только что вошедшей в пору известной хрущевской «оттепели», это было совсем неважно. Правда, большинство из тогдашних поклонников Криса отреклось бы от него, узнав, что Юл Бриннер однозначно принадлежал к сексуальным меньшинствам. На Кавказе таких героев быть не могло! Но еще не было гласности и всеобщей распушенности, люди еще верили в идеалы, а цветное широкоэкранное кино так отличалось от привычного быта!

Но, впрочем, Руслан об этом и не думал. Он «ковбойской», как ему казалось, походкой вразвалочку направился к стоявшей у витрины девушке в обтягивающем светло-сиреновом платье, с черными кудряшками.

– Привет, Светка! Держи цветы!

– Спасибо! Я уже жаждалась. Где ты был до сих пор?

– Знаешь, тренировка поздно кончилась. Готовимся на сборы. Скоро соревнования.

Света не знала, что тренировка давным-давно закончилась, а причиной задержки Руслана было элементарное отсутствие денег, на которые можно было бы повести подружку в кино, угостить мороженым, или купить цветов. Небольшой букет фиалок, врученный Свете, был собран Русланом на клумбе в парке, мимо которого он проходил полчаса назад. Подарок был в полном соответствии с популярной в те годы песней: «Купите фиалки! Вот букетик лиловый!». Уже почернело небо, из темноты которого наваливалась вечерняя духота... Городская духовка источала запах жарившегося где-то мяса, смешивающийся с висящим в воздухе ароматом настоящих ночных фиалок. Зеленые

искры, как при электросварке, из-под трамвайной дуги – предвещали ночную грозу.

– Ну, что будем делать? Мне скоро надо быть дома... в кино опоздали...

– Ладно, Свет, давай сходим в кино завтра! (В голове Руслана тут же промелькнула мысль о том, что к завтрашнему дню денег все равно не будет, за то будет время что-нибудь придумать в свое оправдание).

– Тогда проводи меня домой. Уже темно. А на Шалдоне не очень спокойно!

– Хорошо, пошли!

Руслан все никак не мог решиться сказать Свете правду. Ее старшая сестра была связана с какими-то уголовными типами, которые почему-то в основном обитали на Шалдоне. Этот район города был известен тем, что стал зоной повышенной опасности после амнистии, когда не только вороватая и хулиганствующая шпана, но и более крупные представители уголовного мира оказались на свободе. В то время они избегали новостроек, светлых площадей и проспектов. Их любимым местом были домишки с проходными дворами, множеством темных закоулков и сарайчиков, где было удобно прятать и прятаться. Это потом так называемая «пена» всплыла над трудящимся обществом, залепила собой самые современные кварталы самых дорогих городов мира, да и сейчас там находится.

Они пошли, взявшись за руки, болтая о пустяках. Через квартал на противоположной стороне улицы вдруг с резким хлопком распахнулась калитка, ведущая к маленькому, покосившемуся, кривоватому дому. Из нее выскочил мужчина в черной кожаной куртке и побежал в сторону трамвайной линии. За ним вывалились три непонятного в темноте возраста личности, оружие что-то по-грузински, но с русским матерным сопровождением. Один из них взмахнул рукой с блеснувшим ножом. Убегавший схватился за раненую руку, но успел тычком ноги свалить нападавшего. Тут подоспели двое других, раздались глухие удары двух пар рук и ног. Мужчина упал, однако, перевернувшись несколько раз вокруг оси, вновь вскочил на ноги, держась за повисшую руку. Уже все три преследователя, мешая друг другу, бросились на него и сбили с ног. Вновь мелькнул узкий клинок. Удар пришелся мимо, и мужчине удалось вско-

чить на ноги. Он увидел нас, оценил обстановку безысходности и громко крикнул: «Помоги, друг!»

В драки по не писанному дворовому кодексу не было принято вмешиваться. «Двое дерутся, третий не лезет!» Это Руслан знал с детских лет, когда в школе не единожды приходилось выяснять отношения с одноклассниками. Но, во-первых, сейчас он был не один, во-вторых, его попросили о помощи, в третьих, наблюдаемая им драка более всего походила на одностороннее избиение с вероятным кровавым исходом. Крикнув подруге: «Иди быстро домой!», он в три прыжка преодолел расстояние до водоворота драки, ударом по шее заставил рухнуть одного из нападавших, другого (с ножом) схватил за кисть, резко, до хруста и дикого рева, вывернув ему руку. Нож упал в темноту, а его владелец резкой подсечкой был отправлен наземь. Третий нападавший, не ожидавший такого сокрушительно быстрого исхода, метнулся назад к калитке и, чего-то громко крича, нырнул в нее.

Перед Русланом у забора стоял запыхавшийся, молодой (лет тридцати), плохо выбритый, со стандартными по тем временам усиками, мужчина, придерживавший раненую руку. По рукаву текла кровь, в темноте казавшаяся черной с темно-вишневым отливом.

– Спасибо за помощь! Но они сейчас вернутся. Там еще человек восемь. Помоги мне добраться до трамвая! Мамой клянусь, не забуду!

– Давай руку перевяжу!

– Не успеешь! Лучше давай делать ноги, пока не поздно!

Прикрой меня!

Незнакомец бросился бежать к трамвайной линии, Руслан держался сзади на полтора шага. От калитки уже нарастал топот множества догоняющих ног, крик, мат, слышался металлический звяк. «Цепи, или что?» подумал Руслан, подхватывая спотыкающегося незнакомца под здоровую руку, и таща его за собой. Еще два шага... один... Левой рукой Руслан ухватился за поручень, правой обхватил спутника и рывком забросил его на ступеньку задней двери второго вагона. В этом месте скорость трамвая была минимальной, а дальше он быстро покатился под гору, как бы нарочно легко и непринужденно отрываясь от разъяренных преследователей. Визг колес по рельсам заглушил их удаляющиеся в никуда вопли.

Отдышавшись, незнакомец представился:

– Джамбот.

– Руслан.

Помолчав немного, Джамбот сказал:

– Сейчас трамвай притормозит на повороте. Спрыгнем. А то на остановке могут догнать, если поймают машину.

Так и сделали. Спрыгнув на ходу без особых усилий, Руслан, продолжая бежать, подхватил начинающего бледнеть Джамбота, все-таки не удержавшегося на ногах. Они бегом рванулись через улицу к закрытому двору старого четырехэтажного здания, сообщающегося с соседними дворами. В беседке Руслан осмотрел рану, насколько позволял тусклый фонарь. Кровь медленно подтекала из глубокого разреза плеча, стекая крупными каплями в темень ночи с покореженного лезвием рукава кожанки. Необходимости в использовании жгута не было. Чтобы наложить давящую повязку, Руслан решил воспользоваться носовым платком и рукавом рубашки Джамбота. Но тот внезапно привстал, потянул Руслана здоровой рукой за собой, пригнулся, а затем упал на колени за густой куст сирени. В арке показались мечущиеся фигуры, пытающиеся угадать вероятное направление их побега. Фигур было две. Видимо, остальные контролировали другие возможные пути преследования. Спустя некоторое время, подняв голову, Руслан уже не увидел никого. Только темнота, запах каких-то цветов, качающиеся уличные фонари и черная дыра подворотни. Начали набирать силу порывы теплого ветра. Зашуршали листья кустов. Помолчав еще несколько минут, Джамбот тихо сказал: «Ну, вроде бы – отбой! В этом доме у меня живет родственница. Не беспокойся, она медсестра, перевяжет в лучшем виде... Может зайдем?» Руслан отказался. Неожиданное приключение требовало свободного времени для осмысления. Ведь все, что делается инстинктивно, по обстоятельствам, часто бывает не совсем понятным при спокойном анализе. «Кто этот незнакомый человек, приглашающий в гости к другому незнакомому человеку? Я вроде бы сделал все правильно, по-мужски, но стоит ли продолжать случайное знакомство?» – подумал Руслан. А вслух сказал:

– Спасибо, Джамбот! Мне уже пора ехать домой. До встречи!

– Ну, как знаешь. Я тебе не просто говорю – спасибо! Запомни, мало ли что где с тобой случится, скажи только, что ты друг Джамбота – все будет нормалек!

Руслан тут же про себя подумал, что это обычный кавказский треп, когда желаемое выдается за действительное, особенно в критических ситуациях.

– Хорошо! Давай иди к родственнице, а то кровь еще капает!

– Пока!

– Бывай!

Джамбот вошел в подъезд дома. Входная дверь противно завизжала, впуская его. Через некоторое время в одном из окон на втором этаже зажегся свет. Руслан быстрым шагом, забыв о ковбойской походке, прошел через двор, и, поглядывая внимательно по сторонам, вернулся к кинотеатру, сел в полупустой вагон трамвая идущего в противоположную сторону и, в ожидании своей остановки, задумался и крепко уснул, подсознательно анализируя все, что случилось с ним за последнее время.

«Была еще одна причина, по которой прервавшийся поход на Шалдон желательно было не возобновлять. У него уже была другая подружка, с которой он познакомился недавно на водной станции, когда демонстрировал перед друзьями усвоенные в школе элементы акробатики. После того, как Руслан сделал после разбега рандат, фляк и сальто назад в группировке, он оказался около скамейки. Повернувшись к ней, вышел в стойку на кистях и в этот момент увидел любопытные и усмехающиеся глаза молодой женщины, сидевшей на соседней скамье в пестром ситцевом купальнике, по своим габаритам близким к бикини. Она была года на три постарше Руслана, с серо-зелеными глазами, небольшой, но вполне округлой грудью, стиснутой лифчиком, но нескромно рвущейся наружу. Рядом сидел мальчуган лет четырех в панамке, с неизменным для детей совочком и ковырялся в рассыпанном вдоль дорожки песке, предназначенном для строительства питьевого фонтанчика. Старый фонтанчик был обезвоженный и ржавый. Он, похилившись, стоял у края берега, как бы пытаясь попасть в воду и омыть свои коричнево-желтые бока. Руслан мгновенно решил сделать стойку на одной руке, но, покачнулся, потерял равновесие, и едва не опрокинув скамейку, прыгнул на землю, больно ударившись пяткой о подвернувшийся под нее камень-голыш. Тем не менее, внешне, видимо, все выглядело пристойно. Друзья начали тоже вытворять кто что умел, стараясь выглядеть не хуже Руслана.

А он, присев на скамейку рядом с обратившей на себя его внимание женщиной, мучительно искал повод познакомиться. Долго ждать не пришлось. Она сама, повернувшись всем телом, сверкнув на солнце алмазами водных капель, еще не высохших и только украшающих чуть тронутую загаром кожу, спросила:

– Вам не больно?

– Ни капельки! А почему вы решили, что мне должно быть больно?

– Просто я видела, как ваша нога подвернулась на камне...

– Ну, вообще-то все так и было. Давайте познакомимся, а то как-то неудобно разговаривать, не зная имен...

– Давайте! Я – Нелли...

– Я – Руслан...

– А в песке ковыряется мой племянник – Андрюха.

– Привет, Андрюха! Дай дяде ручку!

– Привет! Я лучку не дам, потому что она в песке и грязная...

А сам хитровато посмотрел на тетку, будто спрашивая: «А этому-то, с мятыми ушами, чего от нас нужно?»

– Ну, ладно, потом пойдем купаться, тогда дашь дяде ручку...

– Тогда тебе не дам, она будет моклая...

– Ну, не хочешь, как хочешь. Что это он у вас такой упрямый?

– Наверное, в меня. Я у него вместо матери. Она артистка, часто уезжает на гастроли. А отец его – спортсмен, боксер, тоже дома не сидит.

И назвала фамилию известного в то время чемпиона. Руслан не раз встречался с ним в кругу спортсменов, но близко не был знаком. Тот действительно редко бывал в городе, пропадая на союзных и российских сборах, выступая за границей – в ГДР, Болгарии, Польше. Жена гастролировала по стране с труппой, а сын воспитывался, оказывается, этой симпатичной женщиной. Интересно, чем же она занимается? Но спросить прямо постеснялся, отложив свое любопытство на потом.

В этот момент к берегу приткнулась прогулочная лодка, в которой сидели три девчонки, видимо, готовящиеся к поступлению в институт, или к очередной сессии. На сиденьях лежали развернутые книжки, шелестели тетрадные листки, пара коржиков и бутылка лимонада подтверждали предположение о

студенческой принадлежности девочек. Одна из них сразу выпрыгнула на берег, подтащила лодку поближе и стала поддерживать ойкающих и айкающих подружек, вылезая из лодки. Девочка была необычной для тех мест внешности: рыжеволосая, со светлыми, выгоревшими кудряшками на лбу, туго заплетенными косичками, свернутыми в корзиночку, с широко открытым в улыбке ртом, сияющим блестящей белизной зубов, со сверкающими шоколадками хитро смеющихся глаз. Она увидела Руслана, и щеки ее почему-то полыхнули сквозь смуглость кожи румянцем восходящего солнца. Заметив рядом с ним собеседницу с ребенком, резко повернулась к подружкам, и взор ее стал дерзко-недовольным, улыбка лишь на пару секунд испарилась, но затем появилась вновь, казалось, освещая вместо скрывшегося в облаках солнца всю водную станцию. «Девчонки! Айда за мороженым!» – прозвенел в утомленности полдня ее голос. Девчата, роняя на бегу тетрадки, подбирая их, тут же перепихивая друг другу, подпрыгивая, как горные козочки, вприпрыжку помчались к киоску, где продавалась соблазнительная замороженная сладость в виде шариков, получавшихся при доставании из общей массы мороженого специальной ложкой, согретой в кипящей воде.

Руслан не мог скрыть своей заинтересованности этой стайкой молодых девочек. Глаза разбегались, силы молодым вином маджари гуляли по сосудам, пронизывающим мощное, напружиненное тело. Нелли усмехнулась: «Что? Хороши девчонки?» Руслан дипломатично ответил: «Все женщины прекрасны в любом возрасте, в любое время и в любом месте!»

– «Ты начал говорить тостами» – вдруг перешла на «ты» Нелли.

– «Это по наследству! Мой дед умел во время тоста пить и пить одновременно, и даже в столетнем возрасте без него не обходилось ни одно застолье.»

Свойственное всем желание прихвастнуть, особенно перед объектом внимания, было близко к истине. Деду Руслана было «всего» девяносто два года, он был женат в четвертый раз. На последней женищине женился в возрасте восьмидесяти четырех лет, когда ей было сорок два года, заимел от нее сына и умудрялся еще погуливать в соседних селениях. Жена приходила к отцу Руслана и жаловалась на мужа, но отец всегда отвечал, что старшего учить бесполезно и предлагал ей относиться к

ситуации с терпением. Дед вообще отличался могучим природным здоровьем. Был широк в кости, грузен, лыс, медлителен в движениях и размышлениях. Каждую зиму он ходил в горы для пополнения запасов медвежьего жира, которым уже несколько лет для профилактики смазывал суставы. «Что-то колени..., кажется (!)..., нить стали...» – говорил он вразяжку. И мог на следующий день отправиться на охоту, одев на себя несколько телогреек, промазанных смолой. На встречу с медведем шел всегда один на один, вооруженный рогатиной и длинным кавказским кинжалом. Рогатиной поднимал из берлоги зверя, встававшего на задние лапы, упирался сдерживающей рогатиной ему в шею, и ударом кинжала в сердце заваливал косолапого. Так как приходилось подходить к медведю вплотную, тот успевал несколько раз мощными ударами когтистых лап распустить одну – две телогрейки, зачастую добираясь до тела даже сквозь вязкость слоев смолы. На коже спины деда с обоих боков бугрились полосы плотных бело-коричневых рубцов, напоминавших о медвежьих объятиях.

Руслан тогда еще не знал, что через год деда не станет. Накосив на склоне горы целую арбу травы для кроликов и баранов, всегда державшихся в хозяйстве, он залезет на воз, который медлительная лошаденка потащит по горной дороге. Внезапно вынырнувшая из-за поворота машина собьет арбу вместе с хозяином в пропасть, оставляя за собой клочья свежескошенной травы, да обломки горного транспорта.

С гор потянуло прохладой, на коже появились пунырышки «гусиной кожи», все засобирались домой. Руслан помог Нелли сложить вещи, посидел с Андрюхой, пока та сбегала в кабинку раздевалки переодеться. Вернулась в узеньких легкого материала брючках, бежевой кофточке с глубоким вырезом на груди. Так как плавки уже высохли, Руслан натянул на себя светлые полотняные брюки, цветастую рубашку, за которые в школе малышня дразнила его стилиягой. Брюки были вьетнамского происхождения, не такие уж и узкие, но непривычные для окружающих, привыкших к широким, заправленным в сапоги творениям отечественного ширпотреба.

Ехать пришлось с пересадкой на другой конец города, где Нелли жила в кирпичном одноэтажном домике довоенной, а может и дореволюционной постройки, на тихой улице с такими же патриархальными домами, какие можно увидеть лишь в

городках с давнишними традициями, не пострадавших от бомбежек и других человеческих экспериментов над самими собой. Проводив ее с племянником до дома и договорившись о встрече, Руслан поехал на проспект, неподалеку от которого жила его тетка.

Заходил он к ней редко, так как та была вся в заботах о четырех своих дочках, одна из которых уже была замужем, вторая только собиралась туда. Ее муж, бывший партийный и государственный деятель масштаба маленькой автономной республики, размером меньшим, чем любая область, был своеобразным человеком. Характер его был соткан из апломба «бывшего», любви к своим дочкам, непризнания прав своей жены, постоянно трудившейся на узкой кухоньке в шесть квадратных метров, готовя еду, обстирывая семью и встречая гостей. Тетка была грузна, у нее болели и отекали ноги, но она сохраняла неистребимую кавказскую красоту: черные с сединой волосы, огромные черные светящиеся глаза, улыбку и застенчивость. Когда-то в тридцатые годы дядька украл ее, потому что был беден и не мог сыграть свадьбу, являющуюся визитной карточкой состоятельности мужчины. Зачастую такое «воровство» было вынужденным и встречало понимание среди родных невесты. Так было и в ее случае. Но вот из-за снобизма, исходившего от дяди, Руслану не очень хотелось бывать в этом доме, хотя сама тетка была им очень любима. В этот раз он решил хоть на минуту забежать к ней. Услышав, как на звонок откликнулся командным голосом дядька, подумал: «Эх, зря выбрал такое время для визита!» Но делать было нечего, пришлось зайти, вежливо поздороваться, обнять тетку и пройти в комнату. В те поры даже первые лица республики не позволяли себе строить замки-особняки и довольствовались малым. Бывший секретарь Президиума Верховного Совета республики жил на втором этаже ветхого предреволюционной постройки дома. В туалет (единственный на весь дом из нескольких квартир) надо было спускаться во двор по широкой деревянной лестнице. Три маленьких (метров по восемь или десять) комнатушек вмещали шестерых членов семьи. Вот и все привилегии! А прошло всего семь лет после ухода дядьки из чиновников областного масштаба в районное руководство. Через много лет Руслан собственными глазами увидит евродворцы чиновников всех мастей, жуликов разного пошиба, но приближенных к вла-

сти (воровской ли, государственной ли – все равно, эти понятия в умах обычных граждан сольются в единое целое).

А пока он сидел за столом, накрытым в комнатке выходящей на поскрипывающий балкончик, опирающийся на два столба, вросших в каменистую землю. На нем были полки с полным собранием сочинений Сталина, которые были вынесены из комнаты после XX съезда КПСС, банки с соленьями и вареньями, и маленький столик. А в комнате, кроме овального стола и старого, с полочками на задней спинке, дивана, помещалось пианино немецкого (или австрийского) производства, да кадка с растущим и плодоносящим лимоном, за которым трепетно ухаживал хозяин, демонстрируя гостям похожие по величине на грейпфруты плоды.

Дядька усадил гостя за стол, потчужа собственноручно изготовленной ароматной настойкой на розовых лепестках, под изумительной вкусноты пироги с сыром, обильно сдобренные сливочным маслом и неизменный салат из помидоров с луком и базиликом, называвшимся в тех местах – васильками. Руслан, не любивший крепкие напитки, только подносил к губам маленькую стопку, проглатывая несколько капель удивительно вкусного напитка, выслушивая нравоучительные, но полезные тосты. Тетка за стол не садилась, только, прихрамывая, заходила из кухни, присаживалась на диван, с любовью глядя на племянника, видя в нем отражение своих старших братьев, называла его братиком, говорила несколько приятных слов, и вновь исчезала в проходной кухне, служившей для семьи также прачечной и ванной. Чувствуя неловкость от ее отсутствия, он по истечении некоторого времени извинился и, обняв на прощание родных, быстро спустился во двор, повернул направо и через минуту очутился на проспекте.

Пройдя квартал, повернул направо и лицом к лицу столкнулся с Валерием, своим давним другом, с которым расстался в шестилетнем возрасте. Их отцы служили вместе, мать была лучшей подругой тетки, от которой только что вышел Руслан, а сами они только недавно узнали, случайно встретившись, о своем давнем знакомстве. Они стояли около углового входа в подвал, где обычно продавалось (и употреблялось) вино и водка. Решено было спуститься в это заведение, чтобы отметить каким-либо образом встречу. К собственной неожиданности, а может из желания показать себя взрослыми друг перед другом,

они заказали по стакану водки и закуски из сельди с постным маслом, хлебом и луком. Было страшиновато, но все-таки стаканы были опустошены. Никакого удовольствия от алкоголя Руслан не испытывал. Да и потом, в течение всей жизни пил больше по необходимости, никогда не имея тяги к выпивке и опохмелке. Но в разговоре от выпитого появились грубоватые выражения, совершенно не свойственные ни тому, ни другому, ощущение легкости в теле и всесилия. Однако, в то время спортивный (также не писанный) кодекс предписывал не применять без крайней необходимости умения, полученные на борцовском ковре в спортзале. Чтобы не искать на свое мягкое место приключений, друзья распрощались, договорились о встрече через неделю и разошлись по домам.»

На повороте заскрежетали трамвайные колеса, и Руслан открыл глаза. Все, что с ним случилось две недели назад, промелькнуло в течение нескольких минут езды на трамвае.

Руслан жил на узенькой улочке, где родители снимали квартиру – одну комнату в двенадцать квадратных метров в разваливающемся домике, с удобствами на улице. В этой комнате жила вся семья из пяти человек. Две кровати стояли у двух стен по периметру, к третьей стене примыкал письменный (он же обеденный) стол, этажерка с книжками, четвертую загоразживал платяной шкаф. Середины комнаты почти не было, раскладушки для детей лежали под кроватями, пища готовилась на керосинке, стоявшей тоже в комнате, а летом ее удавалось вынести на веранду (более напоминающую обычный навес) метровой ширины, расположенную вдоль входов в комнаты домовладелицы и квартиросъемщиков. Домочадцы были дома, и, поужинав, Руслан спокойно лег спать в ожидании завтрашнего свидания с Нелли.

На следующий день ближе к вечеру он одел свой ковбойский «прикид», побрился и направился на заранее назначенную встречу.

В старинном парке у прудов, над которыми нависали престарелые ивы, а по ряби вод плавали вперемежку лебеди и лодки, неподалеку от висячего моста через Терек, раскинулась танцплощадка, громкой музыкой зазывая отдыхающих. Посещалась она хорошо, в чем-то напоминая упрощенный вариант будущих дискотек. Бывало на ней всякое: и драки, и облавы с

целью выявления незаконного ношения оружия, после которых это самое оружие находили выброшенным за ограду, или брошенным внутри самой танцплощадки. Руслан, заранее купивший входные билеты, увидел элегантную фигурку Нелли. Она настороженно оглядывалась по сторонам. Взгляды их перекрестились, они встретились, как и положено давним (давностью в две недели) знакомым, и вошли на площадку в толпу, синхронно раскачивающуюся под звуки танго. Переминаясь с ноги на ногу, некоторое время они топтались в центре площадки, затем приблизились к стоящим по периметру скамейкам. Руслан заметил, что Нелли продолжает тревожно озираться.

– Ты кого-то ищешь?

– Понимаешь, мой сосед ревнует меня, как говорится к первому столбу, и мне показалось, что от дома он следил за мной. Не хотелось, чтобы вы стали между собой выяснять отношения. Он только что освободился из тюрьмы, мало ли что может случиться...

– Да ладно, тебе просто показалось, что...

Руслан остановился на полуслове. От скамейки на противоположной входу стороне отделились пять немалых габаритов мужиков и, раздвигая плечами толпу, держа руки в карманах, угрожающе глядя в упор, начали движение по направлению к центру площадки. Впереди всех шел крепко сбитый, кучерявый, с фиксой во рту, приоткрытом в нахальной улыбке, парень в просвечивающей через белую рубашку тельняшке.

– «Это он...» – прошептала Нелли.

– Вижу сам. Давай танцуй ближе к выходу, их на одного многовато. Подожди меня минут тридцать на остановке у почтамта. Если меня не будет – уезжай домой!

С этими словами Руслан быстро повернулся, и, помня первый прием самбо при превосходстве противника – бег, рванулся к выходу, не теряя из виду преследователей. Бежалось ему легко. Тренировки не проходили даром. Обернувшись и заметив, что фиксатый парень оторвался от своих корешей, решил, не снижая скорости, подбежать к самому берегу пруда. Почувствовав прямо за спиной дыхание преследователя, Руслан резко остановился, присел и круговым движением ноги подсек ноги фиксатого. Тот по инерции рухнул головой вниз в воду, оказав-

шись в полутора метрах от берега. Повернув направо, и отслеживая передвижение противников, Руслан рванулся как на стометровку к выходу из парка и дальше, сделав еще один правый поворот, помчался по узкой улице к проспекту, чередуя ускорения с ровным бегом, захватывая теплый воздух легкими, чувствуя каждую мышцу, успевая смотреть по сторонам. Сзади никого не было слышно. Видимо, все силы преследователей были сконцентрированы на вылавливании своего друга из пропахшего тинной груда. Перейдя на быстрый шаг, через три – четыре минуты Руслан оказался на трамвайной остановке. Нелли удивленным взглядом встретила его, но только спросила:

– Все в порядке?

– Как видишь...

Подошел трамвай, и они, болтая ни о чем, поехали, куда трамвай вывезет. А довез он их до остановки, на которой Руслану пришла в голову мысль исправить испорченный вечер.

– Давай, пойдем в филармонию, там чьи-то гастролы вроде бы интересные...

– Давай! Только я одета не очень...не для концерта...здесь рядом мой дом, забегу переодеться.

– Хорошо, только поскорее, а я пока возьму билеты.

На здании филармонии висели красочные (красными буквами) афиши – «СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ – САРАСАТЕ».

– «Ну и что? Сарасате так Сарасате!» – подумал Руслан. «Главное – денег бы хватило. Неудобно будет, если придется что-нибудь придумывать, чтобы оправдаться перед Нелли...»

К счастью, денег в обрез, но хватило. Народу было много. Среди топчущихся, толкающихся и разговаривающих между собой зрителей промелькнуло лицо той рыжеволосой девчушки с белозубой улыбкой, что когда-то встретила на водной станции. Попадались и давно знакомые лица. Все были принаряжены в ожидании приобщения к искусству. Руслан не очень любил классическую музыку, но всегда внимательно вслушивался в поток звуков, пытаясь представить замысел композитора. И зачастую ругал себя за свою музыкальную безграмотность, связанную то ли с отсутствием врожденного слуха, то ли с неразвитостью его. Но посещение филармонии в то время было явлени-

ем модным, являлось как бы составной частью общего образования.

Появилась элегантно одетая Нелли. Они вместе вошли в зрительный зал и расположились на своих местах где-то в середине зала. Свет начал меркнуть, стихла зрительская возня, слышнее стали отдельные покашливания, шуршание разворачиваемых шоколадных и конфетных оберток. Со сцены пахло специфическим театральным запахом. А затем, казалось, со всех сторон охватила их цыганская, плачущая, надрывная мелодия, уводя в дикие просторы к сполохам костров, звону монист, ржанию необузданных коней, в общем, в непознанную свободу, казавшуюся недоступной, но близкой.

Руслан прикрыл глаза. *«Две старушки, но уже не в черных под бархат полушубках, а в ярко-цветастых шалих, с трубками в расщелинах ртов, с поросшими редкими волосками подбородками...но с такими же пронзительными и проникающими в глубь мыслей глазами, как в недавнем сне, – в клубах кострового дыма внимательно прислушивались к звукам, рвущимся из зовущей и страдающей души волшебной скрипки... На высоте мечущегося и чего-то щущего аккорда – старушки вновь пропали. Вспыхнуло солнце, чуть-чуть завешанное проливным «слепым дождем»... Впереди идущая по пояс в воде (но уже светлой, пузырящейся) женщина – со спины казалась очень знакомой. Ну, конечно, эти рыжие волосы, собранные в корзиночку, которые вдруг рассыпались по плечам, ставшим округлыми, желанными...это легкое движение бедер, преодолевающих потоки воды... этот звонкий смех, не соответствующий скрипичному страданию...»* Раздались аплодисменты. Глаза сами собой открылись, и Руслан увидел в глазах Нелли нескрываемый вопрос...

– С тобой все нормально?

– Да! Просто заслушался... Скажи, здорово играют?!

– Да я не очень в этом разбираюсь.

– Я тоже, но сейчас было просто все понятно!

Концерт шел своим чередом. Нелли стала позевывать. Руслану из-за этого никак не удавалось сосредоточиться на музыке. Боковым зрением он уловил чей-то быстрый, но проникающий, как у старушек из недавнего сна, взгляд. Мгновенная догадка,

кто это мог быть – «Конечно, опять она!» Резко повернув голову, он, однако, не увидел никого из знакомых. «Показалось, наверное»

– «Ты что вертишь головой? Тоже надоело?» – спросила Нелли.

– Ну, вообще-то можно уйти после перерыва, но будет очень заметно. Давай останемся!

– Хорошо, только давай больше на такие мероприятия не будем ходить!

– Ладушки.

После заключительных оваций по окончании концерта они отправились побродить по улицам, пообниматься, подышать воздухом, нахлынувшим с гор, несущим свежесть и бодрость телу и мыслям.

– Ты знаешь, меня этот тип все-таки встретил около дома, когда я пришла переодеваться. Он был еще в мокрой одежде, злой, как черт, грозил прибить тебя, если увидит. Живет он рядом, как бы снова не выследил нас...

– «Не беспокойся! Все будет тип-топ!» – бодро сказал Руслан, но подумал: «Не было печали! Что-то зачастили ситуации одна за другой, как бы не нарваться на худшее! И все это началось с Шалдона, до этого ведь все было более или менее спокойно...»

– Уже поздно, пошли по домам, а то мне не по себе. День какой-то дурацкий! Завтра еще Андрюху отправлять в лагерь, послезавтра сестра приезжает, надо в доме убраться. Она у меня с мамой пока побудет.

– Ладно, пошли!

Дорога оказалась недолгой, время близилось к полночи, улицы были безлюдны. В голове вертелось: «... в часы такой поры, когда на улице одни поэты и воры...» Проводы не затянулись. В воздухе пульсировала непонятная тревога, хорошее настроение куда-то испарилось. Обостренное чувство неосознанной, но реальной опасности заставляло дышать поглубже, протыкаться побыстрее, двигаться порезче.

Старые, с сонными черными глазами окошек, одноэтажные дома с кирпичными заборами и огороженными дворами, тянулись непрерывно вдоль улицы, погруженной в полумрак. Редкие

уличные фонари, скрипя от порывов накатывающегося воздуха, высвечивали небольшие проплешины вокруг себя. Старый асфальт был весь в трещинах, о края которых, поросших мелкой травой, в темноте казавшейся черным мхом, можно было легко споткнуться.

– «Эй, керя, притормози маненько!» – раздался надрывный, переходящий на фальцет голос.

От прилипшей к стенке дома на противоположной от Руслана стороне скамейки оторвалась знакомых очертаний фигура фиксатого, который держал руки в карманах, видимо, сжимая в одной из них то ли кастет, то ли финку. Три его кореша быстро перешли на сторону, по которой шел Руслан, преграждая ему путь вперед. Двое зашли со стороны спины, отрезая обратное движение. Сам фиксатый направлялся напрямиком на Руслана, еще один остался сидеть на скамейке, его лица в черноте ночи не было видно, потому что замкнуло фонарь, тускло моргавший грязно-желтым глазом. «Семеро на одного... Что делать? Через один шаг какая-то металлическая коробка у стены – то ли телефонный распределитель, то ли еще что... Придется стать спиной к нему, принять первый удар, ответить, а затем прорываться вперед, надеясь только на скорость и удачу... Через два дома – низкий заборчик, может удастся перемахнуть через него и затеряться в лабиринте сарайчиков, каких-то построек и кустов... Хотя без знания местности можно попасть в тупик... Они то знают здесь все закоулки» – промелькнуло в мгновение то ли в коре, то ли в подкорке застучавшего сосудами, ищущего выхода мозга.

– Ну, что фраер, снимай котлы, они тебе не понадобятся! Сейчас я тебя, падлу, напишу за паскудство, потом с паханом решать будем, что с тобой будем делать!

Дерганой походкой, выдернув руку с заточкой из кармана, фиксатый приблизился шага на полтора к Руслану, напрягшемуся до боли в мышцах, заметившему, что его уже взяли в кольцо и решившему броситься первым на прорыв. Вдруг со скамейки взметнулась фигура седьмого участника событий. Он что-то громко крича по грузински, от чего все нападавшие замерли как по стойке «Смирно!», перебежал через дорогу, оттолкнул фиксатого и с криком: «Руслан!» – налетел на того, заключив в объ-

ятия. «Джамбот?...» – недоуменно и тихо воскликнул Руслан, мысленно уже успокоившись, но еще никак не расслабившись телом, готовым к любым неожиданностям.

– Руслан, дружище, извини! Сукой буду, не признал сначала в темноте, а этот козел (он указал на фиксатого), нас с тобой из-за какой-то шалашовки чуть было не сделал кровниками! Это не он тебя, это я его сейчас попишу!

К удивлению Руслана пятеро нападавших затрусили к скамейке, даже не попытав возразить Джамботу, кроме фиксатого, молча ждавшего своей участи. «Видимо, он и есть пахан...» – подумал Руслан. Но вслух только сказал: «Джамбот, я этого твоего мудака сегодня искупал в пруду, поэтому он такой психованный, но у меня к нему ничего нет. Это, видимо, из-за соседки, которая сама и решит с кем ей быть...»

– Согласен! Ты только не обижайся! Пацаны еще зеленые, только по первой ходке были, да и я не всех пока знаю. Единственно, что гарантирую – с сегодняшней ночи ты в этом районе можешь гулять с кем хочешь и когда хочешь, ребята тебя срисовали, если что – они и помогут!

Он еще что-то долго объяснял нападавшим по-грузински, после чего все, включая фиксатого, подошли к Руслану и с уважением пожали ему руку. Теперь уже и мышцы расслабились, и настроение поднялось. Поинтересовался состоянием полученной Джамботом раны плеча. Тот ухмыльнулся: «Как на собаке зажило! Медсестра постаралась, еще сто лет буду жить».

Распроставшись, они пошли в разные стороны. Руслан добрался до дома поздно. Потихоньку (как ему казалось), чтобы не разбудить сопящих во сне сестер, он шагнул к уже застеленной раскладушке. «Русик! Что так поздно? Что случилось? Мне что-то плохо с сердцем было» – раздался шепот мамы, как всегда не спящей в ожидании блудного сына. «Все в порядке, мамуля, просто долго добирался, трамваи не ходили» – по привычке соврал сын, погружаясь мгновенно в молодой и крепкий сон.

«Он шел по улице освещенной неоновым сиянием витрин, сияющей разноцветной рекламой, подсветками лепнины огромных зданий и отражением от стекол высоких небоскребов. В завитринном пространстве женщина без возраста и особых примет собирала в совок осколки разбитого витринного стек-

ла. Под ногами у него очутился смятый, неопределенной формы и принадлежности мяч, который он отпихнул в сторону. Мяч исчез, но где-то слева послышался глухой удар и звон. Опять где-то разбилось стекло... Женщина направилась к расположенному в подвальчике ресторану, прошла через вестибюль, Руслан – за ней. Через кухню с суетящимися поварами, режущими чего-то, мешающими длинными ложками в котлах, не обращающими на них внимания. Запах вареных лобстеров и морской дух свежих скользких устриц, выглядывающих из раковин дрожащими телами, сбрызнутыми лимонным соком, – сопровождал их вплоть до металлической, обитой грязными алюминиевыми листами двери и защелкнутой замком с контрольной бумажкой внутри, открыв который взявшимся откуда-то ключом, женщина вышла на улицу. Там она сразу провалилась по пояс в поток зелено-черной воды, мгновенно пропитавшей ее бордовое платье. Он бросился следом, но никак не мог догнать. Вот уж она вылезла на крутой берег, прошла мимо толкавших тяжелую тележку деревенских парней и исчезла за деревянным срубом бани. Через мгновение она появилась в сухом платье ярко-красного цвета, и помахала рукой. Он пробежал по узкой дощечке, появившейся из ниоткуда, приблизился к ней. Румянец под смуглой кожей и рыжеватые волосы выдавали в ней девчонку из какой-то другой жизни. Он увидел, как под платьем начинают наливать ее груди, руки ее внезапно обхватили его, прижав к себе... Пролился ливень. Полыхнуло солнце. Под ногами разверзлась земля. Он упал в бесконечную пустоту, летя и думая о том, что чего-то он не понял. И понять этого ему не суждено...».

Мама привстала, услышав глухой вскрик сына, дотронулась до его лба. «Не заболел бы!» – подумала она. Руслан слегка всхрапывал, сны ушли в прошлое. Впереди была жизнь. Будут в ней и неизвестные пока ему, пахнущие йодом, морем и путешествиями лобстеры и устрицы, и неразгаданные женщины, и рыжая девчонка с хитрющими глазами.

НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

Алик проснулся от лая дворовых псов, старавшихся перегавкать друг друга. Они захлебывались в истошной хрипоте, перетирая толстой кожи ошейники, лязгая едва сдерживающими их цепями. Он выглянул в окно и увидел, что во двор пытается пройти электрик (судя по переброшенным через плечо монтажным «когтям» и мотку проводов типа «лапша»), вызванный накануне дедом.

Каждая из собак была величиной с большого теленка. Одна – по кличке «Тигр», белой гладкой шерсти, с огромной головой. Спустя много лет ему встретится на страницах газеты фотография пса очень похожей породы, именуемой «Сармат». А тогда Алику стукнуло всего пятнадцать, и мысли его были далеки от систематизации собачьих экстерьеров. Другого пса звали «Бандитом». Густая и длинная светло-коричневая шерсть, покрывавшая мощное тело, придавала ему характерный вид «кавказца», ставшего популярным в последующие годы среди «новых русских». Дед называл обеих собак «волкодавами» и особенно не вдавался в их происхождение.

Алик вышел на застекленную веранду, пытаясь впустить в дом электрика, чтобы не злить цепных псов. Но не успел он сделать и шага в направлении двери, как Тигр, мощно надавив на ошейник, порвал его, и килограмм семьдесят мышц с невероятной скоростью выстрелили в сторону «чужака». Лицо электрика будто окунули в молоко. Он успел только схватиться за стоящую рядом лестницу и прикрыть себя от надвигавшихся на него желтых, громадных, в белой пене клыков. Но звериная мощь, почувствовавшая свободу, только бросила искоса взгляд на монтера, пронеслась мимо и реализовалась в высоченном прыжке через ворота высотой в два метра, отделявшие пса от принятия самостоятельных решений.

Алик уже не раз был свидетелем удивительной силы дворовых сторожевых псов, перетиривших сыромятные ошейники и даже металлические цепи. Но ни разу никто из возбудителей их агрессии не был покусан. Запах свободы был сильнее. Собаки убегали, исчезали на некоторое время, совершали свои собачьи ритуалы, и мирно возвращались домой, поджав хвосты. Может потому, что очень хотелось кушать... Может потому, что свободой было важнее и интереснее завоевывать, а пользоваться ею –

не очень! Или просто потому, что привычка быть сытым, сидя на цепи, – стала самым образом жизни.

Мгновенно вскочив на веранду, электрик шлепнулся на старый венский деревянный стул.

– «Что это было?» – сведенными в дрожь губами только и смог прошептать он, не веря в чудо избавления от клыков, размеры которых соответствовали истинно тигриным.

Попросив напиться и сглотив сразу половину кружки ледяной воды, монтер поинтересовался, когда он сможет начать работу. Так как дома никого не было (дед и родители уехали в республиканский центр), Алик попросил его придти дня через два, с чем перепуганный электрик сразу же согласился, мгновенно решив про себя, что больше в этот дом он не сделает и полшага, а пошлет на этот подвиг своего напарника. Уходил он, осторожно ступая на серую пыль дороги, опасливо оглядываясь по сторонам и вздрагивая от шуршания листьев на ветру.

Шел год тысяча девятьсот пятьдесят седьмой. В небе вокруг Земли накручивал витки первый спутник, за полетом которого наблюдали удивленные люди всего мира, высматривая в ночном небе движущуюся звездную точку. Газеты были полны восклицательными знаками. Пацаны начали бредить космическими полетами. Зачитывались до испепеления стихами и рассказами в журнале «Юность». Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Рождественский, Аксенов – только начинали свой путь воинствующих «шестидесятников».

Дед Алика обычно сидел за круглым столом на веранде, читая медленно, но вдумчиво, сводки событий. В реальность спутника он не верил, хотя подолгу всматривался в небо, пытаясь понять, как движется по небу маленькая звездочка.

– Что вы мне говорите? Пипикает спутник? Так это в соседней комнате может сидеть радист, и все его будут слышать. Не верю!

В тот день Алик остался дома по хозяйству. Надо было накормить свиней, набрать в курятнике яиц, выгрести навоз из свинарника и коровника. Кроме того, к вечеру должны были пригнать корову и двух овец. Хозяева, жившие на одной улице, пасли свою скотину по очереди на скудных лугах, примыкавших к аэродрому. Из молока делались сыры – твердевшие со

временем, они лежали в прохладе подвала, а то и на веранде, или в огромном во всю стену шкафу, долго, накапливаясь со временем, и расходуясь только на пироги к праздникам. Жена деда – полька или белоруска по происхождению, все выращенное мясо обычно закатывала в трехлитровые банки в виде самодельной тушенки, нагромождая их в огромном подвале на полках. Все это запасалось впрок. Многие банки вздувались, их содержимое переваривалось и тогда подавалось на стол. Алик не понимал смысла таких заготовок, но спрашивать у обретенных внезапно родственников – не решался.

Дед был дядей его отца. Родной дед погиб в далеком тысяча девятьсот четырнадцатом году, когда разъяренные направлением на войну казаки, перепив лишнего, предприняли рейд по стационарному поселку, рубя шашками направо и налево. Дед забрался на крышу длинного сарая со старой берданкой, пытаясь отстреливаться. Но, не отразив ярости скачущих и рубящих, сам был застрелен чубатым есаулом. Отцу тогда было четыре года, и подробнее, чем потом ему рассказывала об этом мать, ничего не мог поведать сыну.

Дядя отца был малограмотным, писал какими-то иероглифами, в которых, кроме него самого, никто не мог разобраться, да и не пытался. Зато считал он быстрее любых калькуляторов, которых в ту пору, конечно, не было. Но на старых, выщербленных временем, счетах мог с пулеметной скоростью стучать костяшками, и умело сводить «сальдо с бульдо». Видимо поэтому он много лет проработал завхозом в маленькой железнодорожной больничке, умудряясь из копеечного бюджета выцарапывать для себя дополнительные к зарплате суммы, списывать жесткий и мягкий инвентарь, размещая утаскиваемое барахло в необъятных закромах своего не маленького дома, прятавшегося за железнодорожной насыпью и выращивая свиней на «излишках» пищевых отходов.

Соседские мальчишки почему-то за глаза дразнили его «атаманом Козолупом». Был он небольшого роста, круглоголовый, лысый, с двух-трехдневной щетиной на щеках, ставшей впоследствии распространенной и «модной», но в основе которой была, кажется, элементарная лень побриться вовремя. Один глаз деда был поврежден. О причинах травмы никто не пытался

у него спросить. Бельмо придавало лицу достаточно свирепое выражение, даже когда он улыбался, что, правда, случалось крайне редко.

Историю жизни деда Алика знал по подслушанным рассказам отца, объяснявшего матери, почему он решил переехать в эти места. До этого они жили под Воронежом. Отец вышел на пенсию, незадолго до этого получив квартиру, что по тем временам было событием. Живи себе в середине России да радуйся! Нет! То ли зов крови, то ли постоянные просьбы деда приехать на родину, заставили привыкшую к постоянным переездам семью стронуться с места, оставив квартиру и нажитый, правда, скудный скарб.

Но, оказалось, истинной причиной такой родственной заботы деда было элементарное желание избежать экспроприации части земельного участка, примыкавшего к дому. А был он почти в гектар размером. Как раз в ту пору Хрущев решил догнать и перегнать Америку, обложив данью частных, чтобы что-то там повысить «на душу населения». Ограничивалась посадка фруктовых деревьев, разведение скота для личного пользования. Пригласив семью военного пенсионера в количестве пяти человек, дед автоматически освобождался от урезания участка и рассчитывал к тому же на дополнительные льготы. Появлялись также рабочие руки. За скотиной надо было присматривать: пасты, кормить, убирать навоз, готовить корм. Родственные руки пришлись кстати. Да и в тайне им, видимо, лелеялась надежда, что герой Отечественной войны в период покорения стран Европы смог занять какое-никакое трофейное наследство. Но для отца Алика было справедливо второе: «никакое»! Действительно, его сослуживцы тащили из побежденных стран мотоциклы, автомашины, фотоаппараты. А он привез из Берлина полотнище красного шелка, используемого для парашютов. Из них мать пошила ему трусы, да себе платье на стрекочущем, довоенном, с ручным приводом «Зингере», принадлежавшем ее покойной матери.

К тому же характер у деда был нетерпимым. От одного из многочисленных браков у него был сын, поругавшись с которым и выставив из дома, он вычеркнул его из своей жизни. Сын уехал куда-то в Узбекистан, женился, наплодил детей, носящих

дедову фамилию, но им не признаваемых. С таким вот человеком приходилось жить под одной крышей. Алик никак не мог понять, откуда у человека может быть такая необъяснимая и необоснованная жадность. Как-то собиравшие металлолом пионеры через невысокий плетень спросили у Алика, нет ли ненужного ржавого металла где-нибудь на участке. Прямо под ногами из земли торчал кусок старого рельса. Алик с трудом вытащил его из земли и хотел, было, передать ребятам «для плана», но тут же услышал громовый рык деда:

– А ты его сюда приносишь? Положи рельсу на место!

Алик положил. Этот обрубок сантиметров семидесяти длиной, проржавевший и ненужный никому, наверное, там и лежит до сих пор. Или, имея сад корней на пятьдесят (алыча, тутовник, яблони, груши, сливы, айва), дед мог выйти посидеть в тени и вдруг завопить в полный голос: подняв вверх глаза «Кто сожрал яблоко?». Алик сказал, что это он, да и яблоко было червивым.

– «Это другое дело!», успокоился дед, «А то не даешь созреть!»

И это в то время, когда вокруг пропадала тьма тьмушая фруктов. По осени они собирались, укладывались в ящики, складировались в омшанике, который дед называл «пчельной», и там они вылеживали, пока не начинала загнивать сердцевина. Только тогда дети могли полакомиться яблоками и грушами. Другие фрукты и ягоды переваривались в варенья, которые закатывались в банки, занимавшие уже половину подпола, в котором можно было свободно поместить конюшню на четырех лошадей.

Проводив электромонтера взглядом, Алик подошел к собачьей будке, чтобы попытаться восстановить целостность сыромятного ошейника к возвращению «Тигра». Из-под конуры торчал старый канализационный люк, один край которого был подрит мощными когтями пса. По словам деда, люк был положен туда для прочности, чтобы собака не подрывала будку. Захлопнувшаяся от ветра стеклянная дверь веранды на мгновение солнечным зайчиком осветила просвет под люком. Там что-то блеснуло. Опустившись на колени, Алик засунул руку в дыру, почувствовал холод металла не определяемых на ощупь предметов, и, сжав руку в кулак, вытащил ее наружу. С ладони свисали

золотые цепочки, а в горсти оказались золотые часы и кольца с прозрачными сверкающими камнями. Никогда не видевший бриллиантов, но много читавший о них в приключенческих книжках, Алик догадался, что это и есть те самые драгоценности, которые хранятся в разыскиваемых кладах.

– Вот дед обрадуется! А то в стоптанных сапогах и вытертых галифе ходит.

Правда, отец после переезда подарил деду габардиновый отрез на костюм и новейшие хромовые сапоги, полученные им при увольнении из армии. Но тот спрятал подарок в один из сундуков со словами: «Нечего сейчас добро таскать на себе! Пусть полежит до лучших времен!» Видимо для этих самых времен дед хранил на чердаке мешок со старыми «керенками», какими-то банкнотами в рулонах, не разрезанных на купюры, каждая достоинством в один миллион. В другом мешке лежали старинные деньги – ассигнации времен Екатерины, а также банкноты предреволюционной России, запомнившиеся удивительными загогулинами росчерков управляющих банками. Там же были складированы потускневшие рамы от картин, отдельно лежали багеты с витиеватым золотым орнаментом. В комнатах висели подлинники картин известных мастеров прошлого, завешанные старыми юбками, простынями. То, что это были подлинники, дед говорил уверенно, потому что вывозил их из экспроприированных во время революции домов бывших вельмож, а то и из музеев. У деда в те времена была собственная автомашина, он был в фаворе у председателя Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов Зиновьева, за подписью которого получал мандаты для тех или иных деяний. Эти мандаты также хранились дедом в огромном, похожем на церковный орган, шкафу, сделанном из резного дуба, имевшем сотни всяческих ящичков и ящичков, дверок и дверочек. Алик не раз рылся в недрах этого деревянного монстра. И однажды, среди множества бумаг, дореволюционных паспортов, он обнаружил «МАНДАТ, выдан (фамилия, имя, отчество деда) на провоз Председателя Совнаркома В.И. Ульянова (Ленина) от Троицкого моста до Смольного. Подпись – Председатель Петроградского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Зиновьев». С благоговением он держал в руках истрепанный, жел-

тый, напечатанный на плохой бумаге листок, как будто прикасался лично к тем далеким событиям. Но уже тогда появилось неприятие разницы между словами и делами политиков того времени.

Алик аккуратно просунул в дыру руку, разжал кулак, оставив в тайнике клад до приезда старших.

Первым вернулся дед. Кряхтя, нагнулся, снял калоши, позвал внука:

– Иди, сними сапоги!

Алик подошел, ухватился за каблук старого, затертого временем хромового сапога, и потянул на себя и вверх. Сапог стаскивался медленно. Нога была отечной, носок толстой вязки тормозил ее продвижение в местах не штопанных дырок. Взявшись за второй каблук, Алик сказал: «Дед! Я под будкой Тигра нашел клад!». Мощный удар в челюсть опрокинул мальчишку на пол.

Очнувшись, Алик дотронулся до челюсти, почувствовал боль, привстал на локте. Голова кружилась. Обида переполняла все его естество, заставляя быстро сопоставлять факты и не чувствовать остроту боли. «Значит, это не клад! Дед сам прятал драгоценности под собачьей конурой. А я ему совершенно чужой, если из-за каких-то стекляшек и железяк он с такой силой врезал по челюсти!» Выйти из комнаты не удалось, дверь была закрыта на замок. Выглядывание в окна не добавило информации. Открыть их из-за запоров не представлялось возможным. Алик включил патефон, поставив на него пластинку Апрельского завода с ариями из оперетты «Перикола». На звуки музыки дед вошел в комнату, погромыхав ключами.

– Ты опять пластинки слушаешь? Нечего их стирать! Пусть лежат. А теперь иди и ищи мое добро! Кладоискатель хренов!

Искать не хотелось. «Может где в свинарнике зарыл? Или в огороде?» Челюсть болела, голова кружилась, настроение было препоганым. Обида не проходила, поэтому Алик решил отложить поиски драгоценностей до первого удобного момента.

Но этого ему не удалось сделать. Приехавшие родители на следующий день начали собирать немудреные пожитки. Отец снял однокомнатную квартиру в частном секторе в областном центре, договорился о переводе Алика в городскую школу. К вечеру приехал тарахтящий и дымящий несгоревшим бензином

старый грузовик, вещи были водружены на него, и, радостно простившись с дедом, угрюмо смотревшем на сборы нежеланных родственников, Алик забрался в кузов, чтобы придержать скрипящий от древности шифоньер и связанные спинки железных кроватей. Впереди открывалась новая жизнь без оглядки на дедовское жмотство.

Вскоре пришло сообщение, что дед умер от инсульта, разбившегося на фоне долгосрочного диабета. Бабка хоронила его в старых галифе и протертых сапогах, в измусоленном времени защитного цвета френче. Сам Алик на похороны не ездил. Отец и мать не смогли убедить бабушку одеть деда поприличней в последний путь. Вскоре пришло известие, что она продала дом, поселилась у дочери, а все нажитое с дедом добро постепенно было передано церкви. Это было, по крайней мере, искуплением.

Много лет спустя Алик прочитал в местной газете, что рабочие, приглашенные семьей корейцев, поселившихся в бывшем доме деда, при засыпке выгребной ямы старой уборной нашли прикрепленный к полу сверток, в котором обнаружили драгоценности на общую сумму больше миллиона рублей. Видимо, потому что было много свидетелей, или, может, из лучших человеческих качеств, но клад был передан государству, а положенные проценты за находку по тем временам были более чем достаточны для безбедной жизни. Будучи в командировке, проходя как-то мимо дома деда, Алик увидел пробежавших собак, одна из которых была белой, как Тигр, а другая – мохнатой, как Бандит, только размерами они были поменьше, неухоженными, судя по всему – без определенного места жительства. Видимо, прогулки волкодавов на свободу были весьма плодотворными. Жизнь продолжалась, несмотря на измельчание породы.

ДРУЖБА

Равиль высоко ценил дружеские отношения между людьми. Но всегда соглашался с бытующим мнением, что друзей много – не бывает. Знакомые, приятели, объединенные то детством, то службой в армии, то учебой, то совместными делами, – неизменно были рядом с ним: и в застолье, и в бедах, и во всех перипетиях теперешнего бытия. И лишь однажды ему пришлось испытать на себе, казалось бы, невозможное, – непорядочный поступок человека, достаточно близкого по жизни.

Занятие коммерцией в дикие восьмидесятые и девяностые годы обогатили его и сделали авторитетным на всю округу. Родственники, друзья, соседи, просто знакомые – чуть не наперегонки стремились к дому Равиля, больше похожему на старинный замок. И все они находили здесь сочувствие, получали добрый совет и значительную финансовую поддержку. Он не был жадным и не обращал внимания на то, что на полученные от него «халявные» деньги возводятся гигантские особняки, покупаются хромировано-лаковые джипы. Он по сути не был и не чувствовал себя «добрым баринном». Просто – его душа чересчур широко распахивалась навстречу окружающим, которые наладили поток добрых дел только в одну сторону. К себе!

А пора тогда была жестокая, непонятная, незаконная. Воровали все – от «бомжей» до президентов. «По быстрому» восполнялись прорехи социалистической «уравниловки». Случилось так, что несколько сот тысяч долларов им с компаньонами были перечислены в отдаленную республику Бурятию под гарантии тогдашнего ее президента на очередную «президентскую программу». Но, вместо ожидаемой прибыли, случился конфуз. Коллективные «бабульки» были благополучно растасованы по личным, и не только бурятским, карманам. Приснопамятный «дефолт» прикончил остававшийся кусочек надежды на возврат денег, пусть и без «навара». Кредиторы (бывшие компаньоны) «наехали» без промедления. Дело дошло, чуть ли не до «перестрелки на стрелке». Ведь никого не интересовало, по чьей вине скомкался бизнес! До президента – не дотянуться! Проще найти без вины виноватого среди своих.

«Родственникам», «друзьям» и «близким», которых Равиль финансировал, хватало на хлеб с толстым слоем масла и паюсной икры. Но, когда к ним пришлось обратиться за помощью в

сложившихся обстоятельствах, они вдруг начали прятать по сторонам пляшущие и дрыгающие глазки, отказывая в элементарной поддержке. Мол, сами теперь вдоволь икорку не едим! И, запрыгивая в разнокалиберные вседорожники, призраками исчезали в клубящейся пыльной нечисти. Конечно, было обидно! Но зла на бывших нахлебников Равиль не держал. Они были просто выплеснуты им из круга общения вместе с теми слезами досады, которых никто никогда не видел и не увидит! Правда, что-то зачерствело внутри!

Пришлось, оставив семью на попечение родственников жены, уехать в удаленную, как ему казалось, область, подальше от прицелов компаньонов, с двумя сотнями рублей в кармане. Тем более, что пригласил его туда давно уехавший из родных краев старший товарищ Шамиль, уже обосновавшийся на российских просторах, занимавший определенный пост и совсем-таки не бедный. К тому времени уже появились всевозможные «схемы», позволявшие «отмывать» бюджетные деньги. Равилю были обещаны поддержка, работа и дружба. Помыкавшись месяц другой в поиске сколько-нибудь достойного трудоустройства, поиздержавшись материально, но не душевно, Равиль решил обратиться за обещанной помощью к Шамилю. Но тот, видимо, успел разобраться в том, что приглашенный односельчанин – уже не «авторитет», и из его карманов, кроме шелухи от семечек, ничего не выскребешь. Поэтому, выслушав просьбу земляка, он спокойно достал из кошелька предварительно «отслюнявленные» от перетянутой резинкой пачки купюр восемь (!) рублей и протянул их ожидавшему дружеского участия Равилю.

– Понимаешь, больше ничем тебе помочь сейчас не могу!

Что тут можно было поделаться? Кровь запульсировала во всех сосудах, подступая к вискам. Барабанный бой сердца давил изнутри на глазные яблоки, выдвигая их наружу и окрашивая в алый цвет.

– Спасибо и на том... Значит все на общих основаниях? – вдруг ни с того, ни с сего сказал проситель и запустил истертые дензнаки в бледные щеки теперь уже бывшего товарища. С тех пор щеки у того – постоянно с розово-синими прожилками. То ли от пьянства, то ли от тех восьми рублей.

Уже потом, когда Равиль нашел работу, получил квартиру, перевез семью, появились какие-никакие деньги, позволяющие жить нормально, но без роскоши, – на горизонте вновь появился Шамиль. Заявился он с таким же ушлым по жизни приятелем и вместе с ним начал сетовать, что ему стыдно за земляка. И квартира у того не обустроена, без евродизайна, и машины хорошей нет.

– Давай мы поможем построить тебе настоящий дом, этажа на три!

– Хватит! Я вас угощаю как гостей, как земляков, но дел между нами никаких быть не может! Я сам зарабатываю все, что нужно для семьи! Но никогда не забуду те восемь рублей, которые в самую трудную минуту ты кинул мне как надоедливому безродному нищему! В ту пору купить на них можно было разве что рулон туалетной бумаги! А тогда я хотел всего-навсего поест по-человечески хоть один раз! Про хлеб и соль ты, Шамиль, лишь в тостах говоришь красиво! А в жизни оскорбил меня подачкой, значащей меньше, чем голая кость голодной собаке! Не зря считают, что шакалы бродят рядом с тигром до тех пор, пока питаются остатками его добычи! Но не дай Бог тигру заболеть! Шакалы им не побрезгают!

– Ва-а! Что ты обижаешься? Кто старое помянет, тому придется иметь дело с окулистом, говорят в народе. Мы от чистого сердца предлагаем тебе, как другу, выгодный вариант. Тогда не получилось, сейчас – получится! Возьмем кредит, знакомый банкир, наш земляк, – поможет. Остальное – дело техники!

– Нет, ребята! Я больше в эти игры не играю! Приходите в гости! Хлеб, соль – на столе! Дорогу знаете. А выгоду искать я попробую сам!

Прошло года три. Равиль узнал, что Шамиль со своим дружкой сел на нары. С кем-то из своих знакомых они попытались осуществить свой план. Взяли кредит под недвижимость этих знакомых, начали завозить материал для строительства. Завоз длился около года, после чего оказалось, что денег в принципе не осталось ни копейки. Дружок Шамиля просадил их в казино, залез в долги и исчез, покинув родные пенаты.

Попался он через полгода в соседнем городке, где, представляясь социальным работником, пытался «снабжать» стари-

ков-пенсионеров дешевыми медикаментами, взятыми у знакомого аптекаря «на продажу». Входил к старикам в доверие, а потом попросту обчищал их скромные запасники, предлагая оптом закупить тушенку и сгущенку от «Главпродукта» по нереально низким ценам, якобы из-за доброго предложения некоего олигарха, сочувствующего беднякам. Насмотревшись по телевизору на сытую жизнь чукчей Абрамовича, люди выгребали последние копейки и передавали их симпатичному «социальному работнику».

Но нашелся один старикан, не верящий в сказки, потому что телевизор у него года три как сломался, да и жил он один, упрямо веря в идеалы коммунизма. А потому олигарх для него был как тот красный стяг, который на 1 мая и 7 ноября поднимал его со старенькой тахты и выводил на праздничную демонстрацию, состоящую из полусотни таких же, как он, рыцарей своего времени. Старичок прихромал в собес и начал возмущаться тем, что капиталисты хотят купить народ за тушенку и сгущенку, как Мальчишей Плохишей. Тут случайно оказался заместитель начальника районного отдела милиции, пришедший устраивать пенсионные льготы своей маме, возглавлявшей компанию «Ройял Трейдинг» с ежегодным оборотом в полтора миллиона долларов. Его заинтересовала деятельность «социального работника» прежде всего тем, что появилась возможность найти зацепку и присоединиться к дружному клану потребителей «Главпродукта», поскольку деликатесы начали приедаться. Он спросил у старикашки, когда к тому придет «благодетель», или где можно его встретить. Узнав, что завтра в 10 часов «прихвостень капитализма» обещался зайти за двумя сотнями рублей, которые пенсионер все-таки решил выделить на покупку такой вкусной с гречневой кашей тушенки, зам. начальника в означенное время подтянулся, как бы случайно, к старой «хрущовке», в которой обитал «борец за справедливость». К своему удивлению, он увидел человека, разыскиваемого за махинации, на которого поступила ориентировка из соседней области с подлинной фотографией. Потребовав предъявить документы, он убедился, что они подделаны, и предложил «соцработнику» пройти в отделение. Тот убежать и отпираться не стал, думая,

что за мелочевку, экспропрированную у пенсионеров, много не дадут.

Но оперативный «замначраймил» мысленно уже вертел в погоне новую дырку для очередной звездочки. Случайную встречу с разыскиваемым он облачил в камуфляж серьезной работы, проводимой вверенными ему людьми во главе с ним самим. Была выстроена целая схема розыска с мнимыми осведомителями и копанием в архивах. Фигурировало даже «сопротивление при задержании» и соучастие в подготовке ограбления местного отделения банка. Получив несколько увесистых тычков по бокам и почкам, бедолага «соцработник» подписал все, якобы данные им, показания. На суде он их потом все подтвердил. Ведь доблестными «сыскарями» ему были даны разъяснения, что в противном случае он может начинать копить деньги на операцию по перемене пола. Ведь сидеть на нарах все равно придется не один год, а за это время всякое случается.

А Шамилю, при помощи всей накопленной за долгие годы казнокрадства валюты и ценного адвоката, удалось добиться условного наказания. Правда, кое-что у него осталось прикопанным на садовом участке. Но это так, на черный день. Надо было отсидеться в тихом углу до лучших времен. А времена эти сами не торопились! Тогда он решил обратиться к Равилю. Конечно, неудобно после той откровенной беседы, поставившей, казалось, все точки на нужные места, но «стыд не дым, глаза не выест», как говаривала его бабушка.

Равиль выслушал откровения Шамиля спокойно. Но не преминул напомнить ему, что такой исход их с дружкой «бизнес-политики» он предвидел, поэтому и не стал вести с ними никаких дел. Шамиль со всем соглашался, но просил о помощи, лукавя, что остался без средств к существованию, но с большой семьей. О закопанных на участке драгоценностях, которые могли обеспечить лет двадцать безбедного проживания всех его родичей на берегу Средиземного моря, он старался даже не думать.

Равиль предложил ему работу своим заместителем, определил минимум 25-30 тысяч рублей зарплаты, обещал посильную помощь в дальнейшем.

– «Ну, он – негодяй! А семья причем?» – думал Равиль, пытаясь объяснить сам себе свой поступок, который никто из близких ему людей не мог понять. «Может, доброта исправит этого человека? Пусть работает!»

Два года совместной работы убеждали Равиля в собственной правоте. Дела на фирме шли неплохо. Шамиль старался, отдавая работе все свободное время. Наступил момент, когда Равиль доверил ему право подписи и ведение всех дел в свое отсутствие. Подошел к концу определенный судом условный срок. Постепенно недоверие друг к другу таяло. Начали общаться между собой семьями, дважды выезжали с ними на отдых в Египет.

На дне рождения Равиля Шамиль впервые за долгие годы произнес тост: «За нашу дружбу!». Тост был принят, бокалы опустошены. Через три недели Шамиль попросил у Равиля дать ему несколько дней отпуска для поездки с семьей на родину, на что получил немедленное согласие. Провожая Шамиля, Равиль попросил его вернуться по возможности быстрее. Назревала серьезная сделка с зарубежными клиентами.

– Хорошо! Можешь на меня положиться! Если что, семью оставлю отдыхать, а сам вернусь, как только понадобится!

На следующий день после отъезда Шамиля Равиль узнал, что деньги фирмы, за исключением нескольких тысяч рублей, переведены в один из зарубежных банков. Шамиль на родину не доехал. На даче, около компостной ямы, был вырыт маленький окопчик, в котором шуршали листы промасленной бумаги, или искусственного пергамента.

Обратившись к начальнику милиции, переведенному из соседнего города с повышением, Равиль через неделю получил справку, что его «друг» по имеющимся данным покинул пределы России, поскольку у него оформлено гражданство другой страны, в которую тот и отбыл с семьей. Больше они друг друга не видели.

БАЛЕТКА

В 1960 году, когда я учился на первом курсе медицинского института в г. Орджоникидзе (ныне – г. Владикавказ), в черте города мы снимали одну комнату на пять человек (мама, папа, две сестры и я) у хозяйки – Мишурат Цаликовой. Она с взрослой, тридцатилетней, но не бывшей ни разу замужем, дочкой Фатимой занимала ещё одну комнату, а третья комната принадлежала золовке Мишурат – Ксении. Между собой эти семидесятилетние родственницы поневоле – откровенно не ладили. Обе были иссохшими, костлявыми, но подвижными и крайне любопытными. Предметом распри, по-видимому, был сам домик и прилежащий к нему крохотный дворик, на котором располагался покосившийся деревянный туалет и два сарайчика, заполненных куриным кудактаньем. Входные двери комнаты, которую снимали мы, и комнаты хозяйки – выходили на маленькую открытую веранду. Между дверями стоял старый скрипучий стол.

Приходилось допоздна засиживаться на кафедрах института, особенно при сдаче экзаменов по анатомии. Лаборант кафедры, будущий студент, мой приятель, чтобы дать мне возможность самостоятельно готовиться дома к экзаменам, заготовил ряд «мокрых препаратов», хранившихся в фиксирующем растворе формальдегида. Туда вошли: распил головы, кисть руки, предплечье с препарированными для лучшей видимости сосудисто-нервными пучками, мышцами и сухожилиями. Я их сложил в «балетку» (так назывался небольшой чемоданчик с закругленными на стороне ручки стенками) и пораньше пришёл домой, чтобы спокойно изучать экзаменационный материал. Поставил балетку на стол и начал по привычке рыться в карманах в поисках дверного ключа. Но услышал из-за двери голос сестры: «Заходи, Санька!». Я вошёл в комнату, забыв балетку на столе. Во время разговора с сестрой за дверью раздался громкий женский визг и послышался звук упавшего тела. Выскочив на веранду, мы увидели лежащую навзничь без сознания Мишурат. Начав хлопать её по щекам, дождался, когда сестра достанет с полки нашатырный спирт. Плеснув его на носовой платок, поднёс его к носу Мишурат, которая зашевелилась и постепенно пришла в сознание, отмахиваясь похуже на воронье крыло рукой от раздражающего запаха нашатыря.

– Что это? – еле слышно прошептала она.

– Где? – не понял я.

– Там, на столе...

Подняв глаза, я увидел расстёгнутую и распахнутую настезь балетку (хотя и принёс её закрытой). На меня смотрел висящий на нерве глаз, лежащий на распиле головы, а подбородок препарата поддерживала кисть с сухожилиями, обхватывающая предплечье с выделенными мышцами. Стало всё понятным. То, что увидела любопытная старуха, не только довело её до обморока, но и послужило причиной отказа нам в дальнейшем съёме квартиры. Ксения и Мишурат так и не помирились друг с другом, но вот Фатима удачно вышла замуж и переехала в дом мужа. При встречах Мишурат со мной не только не разговаривала, но и переходила на другую сторону улицы.

В АНАТОМИЧКЕ

Первокурсники, шурясь от едкого запаха формалина, сгрудились вокруг анатомического стола. На его холодной нержавеющей располжился «биологический материал», как принято называть бранные человеческие тела, служащие источником знания для многих поколений врачей. Обычно – это невостребованные для похоронного ритуала родственниками бомжи, или уникамы, завещавшие себя посмертно в качестве анатомических препаратов. При поступлении таких останков проводится фиксация их тканей – введение в сосуды формалина для исключения процессов гниения и возможности заражения контактирующих с ними студентов.

Так было и в этот раз. Анатом через толстую иглу с помощью специального насосного устройства начал под давлением нагнетать фиксирующий раствор в сосуды. Некоторое время спустя раздался девичий вопль: «Смотрите! Он оживает!» Глазам изумлённых сокурсников открылась удивительная картина: с каждым качком насоса половой член покоившегося тела начал синхронно ритмично подрагивать, увеличиваясь в объёме... Девчачьи щёки зарумянились, ресницы задрожали, и в наступившей тишине кто-то из наших скромниц тихо, но так, что услышали все – прошептал: «Как живой...» Тут же прозвучал голос старосты курса: «И всё-то она знает!»

МУРАТ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Второй курс медицинского института, 1961 год, как и все студенты огромного Советского Союза, осенние месяцы мы проводим в колхозе на уборке урожая. Кукуруза, сахарная свёкла – были теми региональными культурами, на уборку которых мобилизовали студентов нашего вуза. Куратором одной из групп курса был молодой ассистент Мурат Александрович.

Однажды он провожал нашу сокурсницу Валую по дороге от полевого стана к месту размещения студентов – в старом коровнике, на полу которого были сколочены настилы, на них наброшена солома, накрытая простынями и застеленная солдатскими казарменными одеялами, подушками служили наволочки, набитые соломой.

Девушка весело болтала и строила ему глазки. В то время флирт педагогов с учениками, впрочем, как и сейчас, не приветствовался. Но и избегать попутчицы не было оснований. Вдруг девушка ойкнула, схватилась за живот и побежала в кусты. Видимо, куриное мясо, съеденное на обед, было некачественным (позднее выяснилось, что ещё у семи человек в тот вечер возникли поносы и рвота, как проявление сальмонеллёзной токсикоинфекции). Но никто из нас пока ещё ничего не знал. По дороге студентка раза два отбегала от Мурата Александровича. Наконец, пока она пребывала в кустах, его догнала наша группа и с возгласами: «Мурат Александрович, что вы здесь стоите? Идёмте с нами!» – мы попытались увлечь его за собой. Не зная, что нам ответить, он промямлил: «Сейчас меня должен догнать доцент нашей кафедры. Я его подожду!» В этот момент из кустов раздался голос Вали: «Мурат Александрович! Дайте бумажку!».

ПО СЛЕДАМ НЕВИДИМЫХ ВРАГОВ

Студенты всех времён и стран имеют традиционную привычку периодически прогуливать лекции. Как правило, это действие приобретает коллективный характер и сближает между собой сокурсников, хотя и вызывает ураган негодования со стороны лекторов и деканата. Наш курс не был исключением! Как-то, проходя по проспекту мимо кинотеатра, мы с другом обратили внимание на афишу: «По следам невидимых врагов». Кино тогда было, пожалуй, самым распространенным развлечением, так

как телевизоры только появлялись в обиходе в виде огромных ящиков марки «КВН» с малюсеньким экраном размером с блокнотный листок, изображение на котором можно было рассмотреть только через расположенную перед ним огромную линзу. Но уже всю из-за «бугра» кричали о хрущёвской «оттепели». На страницах «Юности» бушевали «шестидесятники» – Вознесенский, Евтушенко и другие. Появились зарубежные фильмы: вестерны, детективы производства Голливуда и киностудии «Дефо» из ГДР.

– Айда в кино! – сказал Виктор.

– Ну, давай, всё равно сейчас лекция по истории КПСС, опять Битайчик станет читать проповедь!

Притормозив у билетных касс, мы с радостью обнаружили, что не одиноки в желании «заколоть» лекцию. В числе стоящих перед заветным окошком мы узнали двух своих одногруппниц. Заплатив по 20 копеек за билеты на первый ряд, в предвкушении разгадки детективной истории, мы взяли по два пирожка с ливером (5 копеек – штука!) и ещё осталось по одной копейке на газировку без сиропа. Войдя в зал, мы с радостью увидели, что почти все места свободны, поэтому заняли середину 12 ряда, предвкушая удовольствие от нового фильма.

– Видите, мы – первые!

– Здорово! Наши – там парятся, а нам – везуха!

– Может, завтра ещё раз с группой сходим, если билеты достанем?

– Тише! Начинается!

И началось. Фильм оказался документальным и был посвящён поиску каких-то редких микробов в одном из многочисленных НИИ. Так что все детективные истории невидимых врагов мы смотрели через окуляр микроскопа на экране. А их следы были действительно невидимыми. Не глядя друг на друга, похмыкивая, мы вышли на яркий солнечный свет, который после темноты кинозала оказался достаточным, чтобы не жалеть о потерянном времени.

На другой день лекцию по философии прогуляла половина курса. Все они находились в том же кинотеатре и смотрели «По следам невидимых врагов». Просто утром Виктор представил увиденный нами фильм, как самый интересный зарубежный детектив. «Купившиеся» на его трёп студенты с радостью сбежали со второй пары на «импортный детектив».

В последующие два дня Виктор на занятиях не появлялся.

ШПАРГАЛКА

На экзамене по биологии друг Виктор взял не тот билет. То есть взял то он билет правильно, но система, заранее обговоренная студентами с лаборантами кафедры, дала сбой. Экзаменатор то ли по рассеянности, то ли умышленно, перемешал лежащие на столе билеты. Ответивший перед этим казусом однокурсник, получив желанный «тroyк», выпорхнул из аудитории и сказал мне: «Витька взял не свой билет! У него номер 32, просил передать «шпору», а то по тем вопросам он вообще ничего не знает!» И с цветущим выражением лица, на котором светилось чувство исполненного долга, покинул наполненные томительным ожиданием коридоры института.

Как всегда, девчонки аккуратно писали шпаргалки на все вопросы всех билетов, поэтому тут же нашлись готовые ответы на сложенной в гармошку бумажке. Настал самый ответственный для меня момент. Ни разу до того не передававший «шпоры», я знал, что этот процесс должен быть скрыт от глаз всех присутствующих. А, так как руки будут заняты карандашом, билетом, листками черновиков, решил спрятать её в носок. Взяв билет, я сел за стол напротив Витьки и прошептал: «Опусти руку под стол! Шпора в носке...» Через секунду почувствовал ошупывающую руку друга сначала на левом голенистоопе, потом на правом. Слышу Витькин шепот: «Там её нет!!» Отвечаю: «Она там!» Но тут же по спине пробежал лёгкий ветерок. Я забыл, в какой носок – слева или справа положил Витькину удачу. Полез сам, ощупал всё пространство между ногой и носком. Нет! Вроде дырки в носке не было. Куда же задевалась шпаргалка? Заглянул под стол и увидел её, родимую, одиноко лежащую под Витькиной босоножкой, куда она попала после его безуспешных исканий. Обрадовавшись, нагнулся, вытащил её из-под подошвы, и чуть-чуть не замахал ею перед глазами Витьки, обидевшегося было на меня за недопоставку шпоры. Экзаменатор тут же спросил, что это я копаюсь под столом. Хорошо, что, не выпустив из рук карандаша во время поисков, я сослался на то, что уронил его под стол, потому и возился. Изрядно скомканный бумажный шарик с ответами, почти не скрываясь, положил перед Виктором, прикрыв его листом бумаги. Дальнейшее было просто. Я пошёл вне очереди отвечать к доске, дав тем самым Виктору время успешно переписать ответы.

Конечно, по окончании экзамена всё это было представлено им по-другому: «Сажу, жду шпору. Появляется с загадочным видом Сашка и по шпионски невнятно бормочет, что шпартгалка в левом внутреннем углу правого носка с наружной стороны. Поищи, мол!» Зато хвостов у Виктора в этом семестре – не было.

ЭКЗАМЕН ПО ПСИХИАТРИИ

Профессор Фридман, ученик Ганнушкина и сам видный в научном мире психиатр, знавший несколько иностранных языков, был главным судебно-психиатрическим экспертом Северо-Кавказского военного округа. Как и положено большому учёному, имел странности в поведении, а его феноменальная забывчивость вошла в историю города. Так, он регулярно снимал при входе в вагон трамвая галоши, и забывал их надеть, выходя из него. Тогда ещё действовали «Столы находок», и каждый раз галоши доставлялись профессору на дом. Сдача экзамена Фридману была всякий раз полна неожиданностей. Мы с сокурсниками, взяв экзаменационные билеты, сидим, готовимся. Одна из студенток, известная на курсе отличница и зубрилка, вызывается отвечать. Фридман задаёт ей вопрос и тут же начинает отсчёт: «Один, два, три! Не знаете! За три секунды не начали отвечать, значит, не подготовились! Придётся в следующий раз!» Мы столбенеем. Неудачница выходит в коридор и из-за оставленной открытой двери раздаётся её возмущенный голос: «Девочки! Не сдала! Видите ли, за три секунды должна была начать отвечать...» Фридман мгновенно взвился со стула, выбежал в коридор: «Немедленно зайдите ко мне!» Вместе с провинившейся студенткой вернулся в аудиторию, и, обращаясь к ней, произнёс: «Вы знаете, что девочки находятся только в публичных домах! А здесь вы все – госстуденты и госстудентки! Ваша обязанность перед государством – хорошо учиться! Вы пренебрегли своими обязанностями и заслуживаете немедленного ареста!» Он поставил свою ногу на стул, обнажив сиреневого цвета фланелевые подштанники, просунул под колено руку к телефонной трубке, и в этой, весьма неудобной позе, набрав номер отделения милиции, закричал в трубку: «Вас беспокоит профессор Фридман! Здесь находится госстудентка, злостно нарушающая нормы государственной жизни! Прошу немедленно изолировать её за аморальное поведение на госэкзамене!» Потом об-

ратился к дрожащей студентке: «А вы пока покиньте аудиторию! В коридоре подождите, когда приедет наряд милиции!» Следующим был я. Усевшись за стол, прочитал первый вопрос билета и, не дожидаясь начала рокового отсчёта секунд, начал что-то отвечать. Это успокоило профессора и, даже не дослушав полностью ответ на вопрос, рывкнул на всю аудиторию: «Вот так надо отвечать! Отлично!» Плохое настроение Фридмана мгновенно исправилось, и он даже не заметил, что арест провинившейся студентки не состоялся (в милиции знали чудачества научного светила). Более того, он даже не заметил (или сделал вид, что не заметил), когда виновница вспышки его гнева повторно зашла в аудиторию и успешно сдала ему же экзамен.

АРТИСТ

Как и все студенты шестидесятых, я периодически устраивался на работу для пополнения достаточно скудного семейного бюджета. Как-то в перерыве между занятиями подошел ко мне однокурсник Юра Гусов и с таинственным выражением лица спросил: «Ты не хочешь летом подзаработать? Приезжает Саратовский театр оперы и балета на гастроли и требуется несколько человек в группу «миманжа».

– А что это за группа?

– Ну, это группа мимов. То есть слов тебе не дадут, да и петь ты, кажется, не очень...

– Кстати, и плясать – то же!

– Ну, да ништяк! Помощник режиссера сказал, что надо будет только стоять на сцене, или ходить по ней в соответствие со сценарием. Зато все спектакли посмотрим, да за это еще и приплачивать будут!

– А сколько? Удобно ли? Может, бесплатно лучше?

– Ну, ты даешь! Три рубля с полтиной – за один спектакль!

– Ого!

– А в выходные дни до восьми рублей!

– Согласен! Без вопросов!

На следующий день театр встретил нас в лице помощника режиссера Саратовского театра оперы и балета, гастрوليрующего по Кавказу. Лицо помрежа отражало всю гамму пережитого накануне. Оно было изрядно опухшим, багрово-синего цвета, с набрякшими веками, слезящимися (видимо, от горного воздуха)

глазами, на белках которых переплетались темно-красные сосуды, а вокруг тела тяжело висел стойкий запах перегоревшего самогона, известной осетинской кукурузной водки.

– «Завтра – воскресенье!» – многозначительно выдохнуло лицо, глядя мимо нас в пространство. «Вы оба выходите завтра в «Щелкунчике». Спектакль в двенадцать тридцать...» Он посмотрел на меня. «Ты, вроде, поздравей, поэтому завтра выйдешь на сцену в дневном спектакле для детей и вынесешь на одной руке балерину, которая будет играть оживающую куклу. Сможешь?»

– Попробую. Только как ходить по сцене? Я прыгать не умею!

– А ты и не будешь! Как передвигаться – покажут перед спектаклем. Приедешь к одиннадцати часам, потренируешься. Получится хорошо – получишь целых двенадцать рублей пятьдесят копеек – по ставке артиста.

– Спасибо!

На следующий день, раза три (не без удовольствия) подняв на одной руке маленькую пухленькую балерину и походив с ней по сцене, к половине первого я уже был готов к первому сольному выступлению в балете. Оказалось, что танцовщик из саратовского театра, которого я должен был заменить, выпив накануне чуточку лишнего, с переломом ноги, полученным при прыжке с трамвайных ступенек (это ему не сцена!), оказался в травматологии.

Дебют прошел успешно. Балерина была вынесена своевременно (по команде помрежа) и поставлена на пуанты в центре сцены. Правда, пятясь назад, я случайно обрушил какую-то декораторскую конструкцию, но удержал ее в руках, не дав грохнуться на пол и испортить праздник детям, составлявшим преимущественное количество зрителей. И только писклявый девчачий голосок из первого ряда: «Мам, смотри, дядя чуть не свалился в яму!» – испортил мне настроение. Самым обидным было то, что при расчете помрежа, вместо обещанных двенадцати с полтиной, выделил всего десять рублей, оштрафовав за неуклюжесть. Но похвалил и обещал при случае поручить мне какую-никакую роль в опере. Так как случаи не выхода на службу артистов были ежедневно (слава кавказскому гостеприимству!), такие замены стали достаточно частыми.

Содержание

ПРИРОДЫ СВЕЖЕЕ ДЫХАНЬЕ, ГДЕ МОРЕ И ВЕРШИНЫ ГОР

Шторм	4
Бочаров ручей	5
Дождь в Сочи	6
Пора? Пора!	6
Дожди в Новом Афоне	7
Дорога с Рицы	8
Кавказский хребет	8
Не пиши	9
Беспредел стихии страшен	9
После бури	11
А! Абхазия!	12
Новоафонская пещера	12
Цыганки на пляже	13
Картина на вокзале в Сочи	14
Сочи – Владикавказ	14
«Никогда...»	16
Эльхотовские ворота	21
«Волн искрящихся волнение...»	21
Южная жара	22
Морское	23
Отдых в Сочи	24
Ты и море	25
Хороший отдых	25
На даче Берии	27
Штормит	28
Корыта	29
Тайна окаменелой раковины	30
Облако на вершине	32

КАВКАЗСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

Лезгинка	35
Перевал	35
Другу из Дагестана	37
Не подставляй корму!	37
Левый поворот	38
Чудо	39
Полюбить или побить?	40
На Посольской	41
Армянский фокус	42
Кафе-бар «Аида»	43
Прощайте, скалистые горы	44
Легенда о Хетаге	45

ДРУЖЕСКИЕ ЭПИГРАММЫ НА ЗЕМЛЯКОВ

Калоеву	48
Козыреву	48
Пагиевой	48
Тедееву	49
Дидаровым	49
Поповой	49
Купееву	50
Цогоеву	50
Пироговская 20	51
«Пирог с начинкой сырной (кавказской кухни шик) ...»	52

КАВКАЗСКИЕ БЕДЫ

На родине	54
Кармадон	55
По следам пятидневной войны	57

ТОСТУЮЩИЕ ПЬЮТ ДО ДНА!

Молитва застольная № 1	74
Молитва застольная № 2	75
Братский тост	76
Интеллекту	77
Свадебный тост	77
Старшему	79
За свадьбу потомков!	80
Тост	81
Сергею Валентиновичу	82
Свадебное	83
Виртуальный тост (отрывки из поэмы «Прощай, тысячелетие второе»)	84
Ю.И.	86
А.Г.	87
Молодому мужчине-земляку	88
Мудрому армянину	90
Ни слова о женщинах	90
Молодым	92
Молодому, пятидесятилетнему	94
Дух Армении	95
Тост В.Г.К.	96
Восемь вершин Березова Т.	97
С юбилеем!	98
Армянину России	100
Грачику	101
Ф.Г.	102
Первая страница	104
Р.С.К.	105

ПРОЗА

Шалдон	108
Неразгаданная загадка	130
Дружба	138
Балетка	144
В анатомичке	145
Мурат Александрович	146
По следам невидимых врагов	146
Шпаргалка	148
Экзамен по психиатрии	149
Артист	150

Литературно-художественное издание

А. Хадарцев

**ДИКАЯ МОЩЬ КАВКАЗА –
ВЕЧНОСЕДОЙ МАГНИТ**

Стихи и проза

Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офс. Гарнитура «Times New Roman».
Печать риз. Усл. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 8,8.
Тираж 100 экз. Заказ № 939.

Отпечатано в ОАО «Тульский полиграфист»
300600, г. Тула, ул. Каминского, 33